

1. ИСТОРИЯ АСТРОНОМИЧЕСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ И КАФЕДРЫ АСТРОНОМИИ

Наука захватывает нас только тогда, когда, заинтересовавшись жизнью великих исследователей, мы начинаем следить за историей развития их открытий.

Джеймс Максвелл

1.1. АСТРОНОМЫ И АСТРОНОМИЧЕСКАЯ ОБСЕРВАТОРИЯ ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ОТ 1808 ПО 1842 ГОД

проф. Г. В. Левицкий
1893 год

Между разными ненужными бумагами и вычислениями, сохранявшимися в одном из столов астрономической обсерватории Харьковского университета, пишущему эти строки случилось недавно найти большую связку старых рукописей, которые оказались принадлежащими бывшему профессору астрономии Харьковского университета, Антонию Францовичу Шагину. Рукописи эти состоят, главным образом из официальной переписки Шагина в оригиналах и копиях, затем из черновых набросков различных проектов об устройстве учебно-вспомогательных учреждений в Харьковском университете и Витебской гимназии, немногих бумаг, относящихся к частной жизни Шагина и, наконец, изложенных на польском языке, нескольких конспектов ученых сочинений французских авторов. Ближайшее рассмотрение рукописей показало, что в них заключается достаточно материала для того, чтобы составить из него довольно полную, хотя, конечно, и весьма бледную, картину служебной деятельности Шагина за время от 1832 до 1842 года. Но за 1842 год, год смерти Шагина, о которой по настоящее время сохранились в Харькове воспоминания трагического характера, осталось у Шагина лишь очень незначительное число бумаг. Желание пополнить этот пробел заставило меня обратиться к делам Харьковского университетского архива. Даже и весьма беглое знакомство с этим драгоценным собранием официальных документов показало, что в нем можно найти многие весьма интересные сведения, как о деятельности Шагина и других профессоров астрономии Харьковского университета, так и об устройстве университетских обсерваторий. Находки эти естественно возбудили желание составить очерк деятельности астрономов и обсерваторий Харьковского университета, могущий служить впоследствии пособием будущему автору полного исторического обзора научной и учебной деятельности нашего университета. Имея в виду эту последнюю цель, возможно было ограничиться почти исключительно лишь изложением материала, относящегося к упомянутому выше предмету настоящей статьи, который находится в указанных сейчас документах. Правда, вследствие этого, изложение наше должно по необходимости страдать крайней односторонностью и неполнотой. Действительно, многое из того, что было бы интересно знать для оценки деятельности харьковских преподавателей астрономии, в официальные документы или вовсе не вошло, или вошло лишь в виде малопонятных намеков. Сюда, прежде всего, относятся сведения о составе и характере преподавания астрономии в Харьковском университете, для суждения о которых мы имеем лишь обозрения преподавания (найденные мною, притом, только в очень незначительном числе), а из них мы узнаем лишь названия читанных отделов астрономии, число часов преподавания и рекомендованные учебники. Далее, весьма вероятно, что мы могли воспользоваться даже далеко не всеми документами, какие имеются в университетском архиве по интересующему

нас вопросу. Документы эти найдены по имеющимся описям и каталогам архива, составленным канцелярскими чиновниками и, без сомнения, недостаточно полным. Так, в этих описях, а, следовательно, и в самом архиве, мы не могли найти некоторых документов, которые там должны бы находиться. С другой стороны, между найденными бумагами имеются документы, не относящиеся к тому предмету, какой составляет содержание соответствующего «дела». Поэтому, можно надеяться, что, при систематическом разборе дел Харьковского университетского архива, найдены будут многие документы, которые в описи не значатся и ненахождение которых теперь оставляет, между прочим, многие пробелы и в настоящем обозрении деятельности харьковских астрономов.

Работы Рославского-Петровского, Лавровского, Лебедева, Щелкова и др. достаточно уже показали, что харьковский университетский архив заключает в себе данные чрезвычайной важности не только для истории Харьковского университета, но и для истории просвещения в России вообще. Нельзя не пожелать поэтому, чтобы систематическое изучение документов этого архива было сделано в возможно скорейшем времени.

Во избежание лишней потери места я в большинстве случаев не указываю, из какого именно дела взято мною то или другое сведение. Но в конце каждой главы приведен список всех документов, какими я пользовался для ее составления. Если не ошибаюсь, из этих дел мною извлечено все, что могло иметь какое либо значение для предмета моей статьи. Каждое мое предположение, не вытекающее непосредственно из документов, мною оговорено в тексте.

В заключение позволяю себе высказать мою глубочайшую признательность господину Ректору Университета М. М. Алексеенко за разрешение пользоваться делами архива, а господам профессорам А. С. Лебедеву и Д. И. Багалею – за их советы и указания.

ГЛАВА I-я

Профессор Гут. Астрономические работы Гута. Переезд в Харьков. Проект Гута об организации в Харькове астрономических, геодезических и метеорологических наблюдений и измерений. Устройство первой астрономической обсерватории Харьковского университета. Кандидат Можневский. Затеplinский. Его заграничная командировка. Возвращение в Россию. Преподавание Затеplinским астрономии. Выпуска больших астрономических инструментов. Корреспондент Харьковского университета в Лондоне протоиерей Яков Смирнов. Болезнь Затеplinского.

По свидетельству Рославского-Петровского, в первое десятилетие существования Харьковского университета не было в нем постоянного преподавателя астрономии и студенты, по распоряжению совета, слушали курс астрономии у Гута (18^{10/11}), а потом у Осиповского (18^{14/15}), который посвящал ему от 2 до 4 часов в неделю, приняв в основание своих лекций сочинение Био (очевидно: Biot, *Traité élém. d'astronomie physique*. Первое издание в 1805 г., второе в 1810 – 11 и т. д.). Действительно, ни в документах архива, ни в материальной книге астрономического кабинета Харьковского университета, мы не нашли указаний на существование особых преподавателей астрономии до 1820 г., равно как и на то, чтобы совет университета принимал за это время какие-либо меры к устранению такого недостатка полноты факультетского преподавания.

Итак, первый курс астрономии в Харьковском университете был прочитан профессором прикладной математики Гутом.

Иоган Сигизмунд Готфрид Гут (Huth) Dr. Ph. родился 2-го мая 1763 г. в Roslau в Ангальте. Перед переселением в Россию Гут был профессором математики и физики во Франкфурте на Одере. Нам не удалось найти подробного жизнеописания Гута, но список его сочинений, помещенный в известном словаре Поггендорфа и в каталоге библиотеки Пулковской обсерватории, позволяет определить, какими именно чистыми и прикладными математическими науками занимался Гут в течение своей более чем тридцатилетней ученой деятельности.

Из этого списка мы видим, что до 1801 г. предметами занятий Гута были: прикладная математика, архитектура, практическая механика и физика. Но затем, а также, конечно, и несколько раньше упомянутого года, Гут переходит преимущественно к занятиям астрономией.

В конце прошлого и в начале текущего столетия астрономические наблюдения и исследования, в относительно гораздо большей степени, чем в настоящее время, интересо-

вали образованное германское общество. Множество любителей астрономии из всевозможных классов этого общества: дворян, духовенства, купечества, производили наблюдения и делали исследования, имевшие нередко важное научное значение. Не малое число таких «вольных» астрономов, например, Шротер, Ольберс, Цах, Боненбергер и многие другие, достигло большей или меньшей известности, а некоторые из них, как Бессель, заняли первое место в ряду специалистов-ученых. Подобно только что упомянутым лицам, Гут был также автодидактом в астрономии и интересовался, судя по содержанию его астрономических сочинений, главным образом физическим устройством небесных тел.

Обладая некоторым материальным достатком, Гут в 1802 году посетил Англию, по видимому, с целью ознакомиться с важнейшими английскими обсерваториями и с оптиками и механиками астрономических инструментов. В Англии Гут вступил, частью в личные, частью в письменные сношения с различными астрономами, между прочим с Гершелем. В письме к последнему из Лондона Гут изложил свои небезынтересные соображения о происхождении малых планет и высказал вполне подтвердившееся впоследствии предположение, что подобных светил, кроме Цереры и Паллады, будет открыто еще, по крайней мере, десять. «Aber», - прибавляет Гут, - «wegen ihrer (малых планет) Kleinheit werden sie immer schwer zu entdecken und wieder zu finden sein, bis wir recht ins Detail gehende Special - Gharthen wenigstens von dem Zodiacus haben werden» [Но из-за малых размеров этих планет их всегда будет сложно обнаружить и находить повторно, пока у нас не будет детального каталога для области Зодиака – пер. ред.]. В том же письме Гут опровергал мнение Гершеля о том, что Церера и Паллада не суть действительные планеты. Это опровержение было, вероятно, причиной того, что Гершель оставил без ответа интересное и, во всяком случае, заслуживающее внимания письмо Гута. По возвращении из Англии, Гут за собственный счет устроил в своем доме обсерваторию, снабженную хорошими, изготовленными в Лондоне, инструментами. Сверх того, при обсерватории находились: библиотека избранных научных сочинений, собрание физических инструментов и естественноисторические коллекции. Весьма замечательно, при этом, что Гут позволял любителям и учащимся заниматься на его обсерватории и предлагал им свою помощь в обучении производству астрономических наблюдений. Наблюдения самого Гута на его обсерватории имели главнейшею целью изучение физического строения тел Солнечной системы, а также изучение двойных звезд, туманностей, зодиакального света и проч. Краткое изложение результатов этих наблюдений, вместе с некоторыми, относящимися к ним и нередко весьма остроумными соображениями, Гут опубликовал в многочисленных статьях, помещенных в *Astr. Jahrbuch* за 1803 – 1810 г.г. Кроме этих наблюдений, Гут нередко занимался обзором неба с целью нахождения новых светил и его старания в этом направлении были увенчаны значительным успехом. За сравнительно короткое время своих наблюдений Гут открыл четыре кометы. Первая из них была открыта 2-го декабря 1801 г. и была наблюдаема Гутом до 5 января 1802. Комета эта была телескопическая и в короткое время сделалась вовсе невидимой в те трубы, которые имелись в распоряжении Гута. К сожалению, во время наблюдений этой кометы Гут делал лишь довольно грубые определения ее положения между звездами. Вследствие чего, а также вследствие кратковременной видимости кометы, точное определение ее орбиты сделалось невозможным. В октябре и ноябре 1805 г. Гут открыл еще две новых кометы и на этот раз определял их положение точнее, чем в предыдущем случае. Это открытие вызвало у Гута вполне законную радость, которую он и выразил в следующих словах письма к Боду от 27 ноября 1805: «Es freuet einem doch, nach so langem unnützem Herumsuchen einmal einen Fund getan zu haben. Mein Sternwartchen ist doch nun wenigstens eingeweiht» [Радостно, что после столь долгих тщетных поисков удалось сделать хотя бы одно открытие. Моя обсерваторийка уже хоть чуть-чуть причастна к таинству астрономических исследований. – пер. ред.].

Труды Гута по разысканию комет были оценены специалистами по достоинству и даже были вскоре удостоены награждения денежной премией. В 1805 году какой-то берлинский почитатель астрономии, пожелавший остаться неизвестным, передал в распоряжение Боду сперва 20, а затем еще 10 фридрихсдоров, с просьбою выдать их тому, кто к назначенному сроку сделает важное астрономическое исследование или открытие. На соискание премии было представлено 6 сочинений, и премия была разделена пополам между автором одного из них, знаменитым впоследствии, а в то время блестяще начинавшим свою ученую карьеру Ф. В. Бесселем, и Гутом. Последний получил половину премии «за открытие новых явлений на небе», т.е. двух комет 1805 года.

Наконец, четвертая, открытая Гутом, комета была большая комета 1807 года, усмотренная Гутом простым глазом 29 сент. 1807 года. Этим открытием оканчивается период продуктивной астрономической деятельности Гута. По крайней мере, нам не удалось найти указаний на дальнейшие наблюдения Гута. Быть может причиной этому было переселение Гута сперва в Харьков, а потом в Дерпт в 1808 и 1811 годах, причем как в том, так и в другом городе Гуту пришлось заново устраивать обсерватории.

Итак, перед переселением в Харьков (куда, как увидим далее, Гут был приглашен на кафедру прикладной математики) Гут пользовался уже почетною известностью, как астроном. Без сомнения, Гут имел в это время оживленные сношения с различными современными ему учеными. Указания на такие сношения мы находим как в переписке Гута с Боде, так и в заметке Боде: «Ueber die vom Herrn General-Major v. Lindener auf der Schneekoppe im Juli 1805 angestellten Pulversignale». Как видно из этой заметки, об интересных опытах Линденера Боде узнал лишь из письма к нему Гута.

В предыдущих строках мы охарактеризовали вкратце деятельность Гута как астронома. С сочинениями его по прикладной математике и физике нам, к сожалению, ознакомиться не удалось. Но между своими товарищами, иностранцами-профессорами в Харькове (не специалистами-математиками), Гут считался хорошим математиком. Надо полагать, что подобное благоприятное мнение о Гуте как математике сложилось на основании отзывов о нем – знавших его с этой стороны германских ученых.

Предложение Гуту приехать на службу в Харьков сделано было не позже 1807, по-видимому, профессором Стойковичем. Дело Правления «Об утверждении Гута в звании профессора» etc. начинается выпиской из журнала заседания Совета Харьковского Университета 15 января 1808 г., где ректор Стойкович прочел полученное им письмо от «определяющегося в сей университет профессором прикладной математики» Гута, в котором последний просит ассигновать ему 400 червонцев на переезд и ходатайствовать о выдаче паспорта. Одновременно с переговорами о переходе на службу в Харьков Гуту предложено было взять на себя заказ и покупку физических и астрономических инструментов. Стоимость этих инструментов была исчислена в 1326 рейхсталеров 12 грошей (по курсу: 1 рейхсталер = 1 руб. 83 коп.), высланных затем во Франкфурт Гуту, по утверждении его, с 7 февраля 1808 г., в должности профессора Харьковского университета, через придворного банкира Раля в Петербурге. Паспорт же для передачи Гуту отправлен был в Радзивилов директору таможни Гиршфельду. Кроме инструментов, покупка которых была поручена Гуту, последний, по-видимому, без определенного заказа со стороны университета, порешил взять с собою громадную для того времени и, по большей части, лично ему принадлежащую коллекцию различных научных инструментов и пр. Коллекция эта помещалась в 40 ящиках, и Гут просил университет, снова через Стойковича, ходатайствовать о свободном, без досмотра на границе, пропуске ее в Харьков, что и было действительно разрешено. Перевозка такого громадного багажа потребовала, конечно, значительных издержек и Гуту пришлось просить университет (на этот раз уже через профессора Якоба) о выдаче ему, (Гуту) на путевые издержки, в счет жалованья, 600 рублей серебром. Просимая сумма была выслана правлением банкиру Ласкевичу в Радзивилов для передачи Гуту. Деньги эти, впрочем, получены были в Радзивилове уже после проезда Гута через границу. В Харьков Гут прибыл 20 августа 1808 года и в ближайшем заседании совета (27 августа) «занесен был» в список чиновников университета. Багаж Гута доставлен был значительно позже (10 ноября 1808 г.) и состоял из 31 ящика весом в 427 пудов. Согласно распоряжению министра коммерции, графа Николая Петровича Румянцева, досмотр ящиков, лишь запломбированных Радзивиловской таможней, был произведен в Харькове, в присутствии двух ратманов городского магистрата: Никиты Проскурина и Константина Карпова и депутата университета, профессора Ивана Шада. Теми же лицами произведена была, по-видимому, и оценка багажа Гута, причем стоимость научных предметов, инструментов и книг оказалась равной 35288 руб., стоимость же весьма скромного частного имущества Гута и его детей (или дитяти) составляла всего 677 руб. 60 коп. Кроме книг, коллекции, привезенные Гутом, состояли из инструментов геометрических, астрономических, оптических, физических, химических, технических и механических. Далее – из коллекций минералов, раковин, черепов и костей различных животных; необыкновенного человеческого черепа, птичьих гнезд, яиц и чучел и даже, наконец, нескольких древностей.

Из дел университета не видно, с какою целью привезены были Гутом все эти весьма ценные коллекции. Университет приобрел из них только небольшую часть, всего на 7547 руб.

Кроме того, в коллекции находилось несколько физических и химических приборов, заказанных Стойковичем для физического кабинета, на сумму 94 рейхсталера. Между тем, пошлина за оставшиеся непроданными университету коллекции, по-видимому, взята не была. (За частное имущество Гута пошлина не была взята на основании 15 статьи утвердительной грамоты университета. Статьей этой дозволялось «иностранным профессорам выписать пожитков или вещей беспошлинно» на 3000 руб.). Дальнейшая судьба непроданных коллекций Гута из рассмотренных нами дел не видна.

Определенных указаний на то, какие именно прикладные математические науки читал Гут в Харьковском университете нам найти не удалось. Однако некоторые, хотя и смутные, предположения об этом можно сделать на основании протокола заседания физико-математического факультета 15 октября 1808 года. В этом заседании «Dominus Professor Huth proposuit, ut sibi cubiculum in Universitate adsignaretur in quo instrumenta mathematica brevi tempore ab oris exteris adventura et alia ad suum cursum pertinentia collocare posit». Таким образом, многие и даже, как увидим далее, большинство купленных у Гута или заказанных при его посредстве инструментов служили для его лекций и поступили в его же заведование. Часть этих инструментов выделена была затем для астрономической обсерватории и кабинета, часть же составила или же вошла в состав имущества кабинета технологического, находившегося также в заведовании Гута, так как он вскоре по приезде заказывает для этого кабинета у механика Кельна (A. Cölln) в Харькове различные приборы и модели. Между последними, кроме чертежных приспособлений, находим «verschiedene Holzverbindungen der Zimmermanns-Kunst, eine Dampfmaschine; eine Porzellanmühle; einen Ziegelofen, eine Maschine zum Reinigen des Kornes». [Разнообразные деревянные изделия – произведения столярного искусства, паровая машина, фарфоровая мельница, сложенная из кирпича печь, машинка для очистки зёрен. – пер. ред.]. Судя по этому списку, Гут предполагал читать элементарную практическую механику и технологию. Но затем к своей же специальности Гут причислял также и астрономию, по крайней мере, практическую, так как в том же заседании ходатайствует о покупке парижских и берлинских астрономических эфемерид и Уранометрии Боде. Кажется даже, что Гут во все время своего пребывания в Харькове наибольшее значение придавал именно своей деятельности как преподавателя астрономии. За астронома же по преимуществу считали Гута и его товарищи. Роммель, в своих известных воспоминаниях, называет Гута превосходным математиком и астрономом. Как к астроному же обращались к Гуту его товарищи (в том же заседании факультета 15 октября 1808) с просьбой устроить солнечные часы. Ощущавшаяся уже тогда в Харькове потребность в точном определении времени ясно проглядывает в соответствующей статье факультетского протокола. «*Proptem utilitatem conspiciam*», говорится в этой статье, «*omnia membra Facultatis desiderium declaraverunt, ut Domino Professore Huth comparatio et statutio horologii solaris ex materia aenea in apto loco aedificii Universitatis committatur*».

В записке, составленной проф. Федоренко об астрономическом кабинете Харьковского университета, 1808 год принят за год основания этого учебного учреждения, первым директором которого назван проф. Гут. Кабинет этот первоначально почти всецело состоялся из инструментов и приборов, купленных у Гута. Между этими инструментами мы находим большинство употребительных в то время топографических инструментов; затем, солнечные часы, двое часов стенных и столовые, 8-ми футовый зеркальный телескоп, двухдюймовый рефрактор Доллонда, вертикальный квадрант и многие другие инструменты и приборы. Кроме купленных у Гута предметов, в астрономический кабинет было передано лишь три прибора, из которых один – секстант Адамса – был приобретен графом Потоцким у механика Роспини в Петербурге в 1805 году. Затем, уже перед отъездом Гута из Харькова, в 1811 г., получены были некоторые инструменты из тех, которые по поручению университета были заказаны Гуту еще до отъезда его из-за границы.

Таким образом, уже в 1809 году Харьковский университет обладал собранием астрономических инструментов, совершенно достаточным для снабжения почти всем необходимым небольшой обсерватории. Естественно поэтому было подумать об устройстве этой последней. Уже в июле того же 1809 года Гут представил попечителю любопытный проект, сохранившийся в делах университета в переводе с немецкого оригинала. В этом проекте, составленном, как говорит Гут, вследствие «разговоров, коими Ваше Сиятельство меня удостоить изволили», а также «и для славы здешнего университета» предлагается организация при Харьковском университете и в Харьк. учебном округе астрономических, геодезических и метеорологических наблюдений и измерений. «Я думаю», говорит Гут, «что

весьма бы много послужило к пользам университета, и много бы принесло славы оному, когда бы можно было часто объявлять в публичных местах и повременных изданиях важные и новые наблюдения, чинимые в Харькове и его учебном округе. Вследствие чего я бы низжайше предложил следующее.

1) *Учредить небольшую обсерваторию для астрономических наблюдений* временно до той поры, когда Вашему Сиятельству благоугодно будет соорудить здесь храм Урании, достойный сей богини и который бы не токмо удовлетворял благородному любопытству ума, и почитанию всевышнего существа, но еще и обучению юных астрономов как относительно географии, так и мореходства.

2) *Приказать учинить измерение целого градуса как по меридиану, так и параллельной линии Харькова так, чтобы город сей находился почти на середине оных.*

3) *Приказать производить метеорологические ежедневные наблюдения* не только здесь в Харькове, но и во всех гимназиях округа Харьковского университета».

Далее Гут излагает в рапорте своем, что, по его мнению, необходимо для осуществления его проектов. Устройство обсерватории при этом оказывается наиболее простым и легко исполнимым делом. Так как в астрономическом кабинете имелись только переносные инструменты, то для пользования ими нужна была лишь удобная, открытая площадка и на ней небольшое здание из двух комнат, – одной для инструментов и другой - «которая бы служила местом убежища для астронома в зимнее время». Для устройства такой обсерватории, по мнению Гута, можно было бы употребить амбар, находящийся у конца полуденного флигеля университета.

Столь же легким делом представлялось Гуту как не геодезисту-практику, производство предположенного им градусного измерения. Для этого нужно только «доставить мне (Гуту) способы для предпринятия нужных путешествий и наблюдений, и чтобы для сего дан мне был искусный в деле сем кандидат, которого я сам избрать имею». Знакомый, очевидно, лишь теоретически с высшей геодезией, Гут не сознавал невозможности выполнения задуманного им предприятия с теми слишком скромными инструментальными средствами, которые имелись в тогдашнем астрономическом кабинете. С этими средствами, в лучшем случае, возможно, было произвести астрономо-тригонометрическую съемку окрестностей Харькова для картографических целей. Но, быть может, раз начатое дело само бы показало Гуту необходимость покупки новых и более совершенных инструментов, чем те, какие были в его распоряжении, а практический опыт, приобретенный при действительных измерениях, постепенно выработал бы из Гута геодезиста-практика. Во всяком случае, нужно весьма сожалеть, что постороннее обстоятельство, отъезд Гута, помешало ему начать геодезические работы по производству градусного измерения. Измерению этому Гут придавал большое значение. «Мне неизвестно еще», говорит он, «учинено ли когда подобное измерение меридиана в России; но я в сем сомневаюсь; но если бы здесь в Харькове учинено оное было, то сие увеличило бы весьма много великие достоинства, кои приобрел уже себе знатный и ученый начальник нашего Университета; ибо все прочие народы Европы гордятся учиненными у них подобными измерениями, кои столь же споспешествуют математическому познанию всей вообще земли и некоторых стран, как и усовершенствованию искусства измерений». Гут был прав. До того времени градусное измерение в России предпринято было только однажды, в 1737 году Делилем. Но измерение это остановилось после немногих начальных работ, результаты которых нигде не были опубликованы и найдены О. Струве в бумагах Делиля лишь в 1844 году.

Итак, первая мысль о производстве русского градусного измерения в текущем столетии высказана была в Харьковском университете. Лишь три года спустя после подачи рассматриваемого проекта та же мысль возникла у В. Струве, тогда еще студента Дерптского университета. Сделавшись профессором того же университета, Струве в 1816 году начал астрономо-геодезические работы в Остзейских провинциях, имевшие первоначально целью составления карты Лифляндской губернии. В 1819 году Струве представил уже попечителю, князю Карлу Ливену, план градусного измерения в тех же провинциях. Измерение это, после подготовительной поездки Струве за границу и покупки необходимых инструментов, было начато в 1821 году и вскоре развилось, как известно, в одно из грандиознейших научных предприятий текущего столетия – измерение дуги меридиана в $25^{\circ}20'$ между Дунаем и Ледовитым морем.

Выполнение третьего из проектов Гута – проекта организации метеорологических наблюдений в Южной России не представляло, по-видимому, никаких трудностей и могло

бы доставить чрезвычайно важные результаты для климатологии. В своем рапорте Гут пишет, что сам он, начиная с 1-го января 1809 г., ежедневно по три раза в сутки: «поутру, в полдень и ввечеру» производит отчеты барометра, термометра и гигрометра. Но он «весьма много» желал бы, чтобы подобные метеорологические наблюдения чаще производились наиболее успевшими в математических и физических науках кандидатами, «под общим надзором профессоров физики и математики». Те же профессора должны были бы составить инструкцию для производства метеорологических наблюдений в гимназиях округа. Покупку необходимых инструментов Гут предлагал сделать на счет гимназических сумм.

В имеющихся у меня документах нет указаний на то, какая участь постигла оба последних проекта Гута. Градусное измерение, во всяком случае, произведено не было. Но метеорологические наблюдения, быть может, производились. Быть может, далее, сохранились где-либо (в Дерптском университете, например, куда перевелся Гут из Харькова) метеорологические наблюдения самого Гута. Такие наблюдения даже за один год бесспорно имеют значение для суждения о климате Харькова.

Рапорт Гута был препровожден господином Потоцким в правление университета, которое 26 июня 1809 г. постановило приступить к постройке обсерватории, и поручило кассиру Дзюбину и архитекторскому помощнику Маслову произвести эту постройку под надзором проф. Гута. Несмотря на незначительность проектированного сооружения, вследствие, конечно, разных канцелярских проволочек, «ротонда, назначенная для обсерватории, за поздним временем» в 1809 году окончена не была. Работа продолжалась в 1810 году, но также весьма медленно. 28 июля 1810 г. постройка была готова, но в ней недоставало замков и мебели, необходимой для производства наблюдений, почему Гут, для ускорения дела, просил правление разрешить ему (Гуту) самому купить недостающие предметы.

Таким образом, к началу 18¹⁰/₁₁ учебного года устроена была первая астрономическая обсерватория Харьковского университета. Помещалась она, вероятно, где-нибудь поблизости от того места, где впоследствии находилась устроенная профессором Федоренко, уже четвертая по счету, обсерватория. Наблюдения на первой обсерватории, если и производились, то, во всяком случае, очень короткое время, так как Гут уже в следующем 1811 году, вскоре после 1-го мая, оставил Харьков, а без него наблюдать было некому. Из Харькова Гут перешел в Дерпт, где окончил начатую Кнорре постройку астрономической обсерватории. Наблюдателем на этой обсерватории и в то же время экстраординарным профессором астрономии был назначен в 1813 году знаменитый впоследствии Вильгельм Струве. Гут умер в Дерпте в 1818 году (28 февраля старого стиля).

Вероятно, по распоряжению правления, астрономические инструменты из непрочной «ротонды», во избежание потерь, были перенесены в здание университета, а сама ротонда или разрушилась, или получила прежнее скромное назначение амбара. Уже в 1859 году не оставалось в Харьковском Университете воспоминаний о его первой астрономической обсерватории. В записке проф. Федоренко об астрономическом кабинете, напечатанной в изданном К. Фойгтом сборнике таких записок, об обсерватории Гута вовсе не упоминается.

С отъездом Гута астрономия до 1815 года (по свидетельству Рославского-Петровского) и, вероятно, до 1824 года, преподавалась лишь по временам профессорами математики. В их же заведовании находился, надо полагать, и астрономический кабинет, весьма мало пополнявшийся между 1811 и 1829 годами. За это время приобретены в 1813 году три небольших геодезических инструмента (астролябия и две буссоли) от иностранца Лябанда, быть может, пленного инженера или топографа наполеоновской армии. (В 1814 году куплена у генерала Феррье зрительная труба для физического кабинета. Генерал же этот, как сообщает Роммель, был взят в плен близ Калуги и поселен в Харькове). Затем в 1814 году получены из Лондона неизвестно кем заказанные (может быть, еще Гуттом) у механика Джонса: десятифутовый зеркальный телескоп и медный планетарий.

Такое ненормальное положение одного из основных предметов преподавания на физико-математическом факультете не могло, конечно, не озабочивать профессоров этого факультета и университетское начальство. Нам не удалось, однако, найти в бумагах университетского архива указаний на какие-либо попытки обеспечения преподавания астрономии ранее 1820 года. В этом или предыдущем году для «кафедры наблюдательной астрономии» начал подготавливаться «казенный воспитанник и кандидат» Григорий Можневский. Но роковая случайность, которая, как мы увидим, преследовала и следующих двух астрономов Харьковского университета, прервала в самом начале ученую карьеру этого молодого человека: 9 мая 1820 года в девятом часу пополудни отправился он из

института (помещения для казенных студентов) купаться на реку Харьков, где и утонул.

На этот раз физико-математический факультет поторопился представить нового кандидата на место умершего Можневского. Кандидат этот, учитель Новгородсеверской гимназии Павел Затеplinский был рекомендован факультету бывшим ректором и заслуженным профессором Осиповским. Павел Александрович Затеplinский происходил из обер-офицерских детей и родился около 1794 года. В 1812 году поступил он своекоштным студентом в Харьковский университет, где получил степень кандидата в 1816 г., после чего немедленно был назначен учителем математических наук в Новгородсеверскую гимназию.

Представление факультета о Затеplinском было заслушано в совете 14 июля 1820 г., причем постановлено (конечно, сообразно с желанием факультета) ходатайствовать об отправлении Затеplinского «в чужие края» на два года «для усовершенствования в астрономии». Маршрут путешествия Затеplinского, может быть, составленный также по указаниям Осиповского, был следующий: «прежде в Берлин, потом, по окончании там астрономического учения, в Геттинген и, наконец, в Париж и Лондон». В перечисленных городах Затеplinский мог воспользоваться лекциями и наставлениями следующих ученых: в Берлине – Боде, в Геттингене – Гаусса, в Париже – Лапласа, Деламбра, Араго, Био и др., в Лондоне (в Гринвиче) – Понда. Как видим, план путешествия Затеplinского написан был рукою знающего человека.

Представление о командировке Затеplinского достигло министра в конце 1820 или в начале 1821 г. Отправленный из Петербурга 15 января 1821 г. ответ министра, известного князя Александра Голицына, на это представление кажется мне настолько характеризующим тогдашнюю эпоху, что я позволяю себе привести его здесь целиком.

Господину Попечителю Харьковского учебного округа.

По представлению Вашего Превосходительства от 4-го минувшего декабря, я согласен, дабы кандидат Затеplinский отправлен был в чужие края для усовершенствования себя в астрономии, на два года, с производством ему жалованья и на путевые издержки по тысяче рублей серебром в год из хозяйственных университетских сумм.

Впрочем, будучи извещен о нынешнем состоянии германских университетов и господствующем в них духе, предлагаю отправить Затеplinского сперва в Париж; а потом по окончании им там нужного для него курса учения в Лондон.

Вследствие того препровождаю при сем, для вручения Затеplinскому, два письма от меня к полномочному министру нашему в Париже г. генерал-адъютанту Поццо ди Борго о принятии его в особенное покровительство и доставлении ему свободного приема и облегчений для усовершенствования в предназначенном ему предмете и к члену французского института и комиссии народного просвещения Барону Сильвестру де Саси о руководствовании его во всем, что касается до его учения и поведения; покорнейше прошу приказать Затеplinскому по прибытии его в Париж доставить сии письма по принадлежности. В случае же, если бы он не нашел в Париже господина полномочного министра, то письмо мое к нему может вручить заступающему его место поверенному в делах.

Министр духовных дел и народного просвещения
князь Александр Голицын.

Таким образом, боязнь «духа» германских университетов и наивная уверенность Голицына в меньшей вредности полного республиканских воспоминаний Парижа, по сравнению с захолустным Геттингеном, для непорочности души Затеplinского лишала последнего возможности быть учеником гениального Гаусса. Но зато, сделанное Голицыным новое распределение заграничной поездки Затеplinского устраняло, действительно, весьма неудобную кратковременность пребывания последнего в каждом из указанных в прежнем маршруте городов. Нельзя не отметить, притом, ту чрезвычайную заботливость о командируемом за границу молодом ученом, которая проявлена Голицыным. Мы увидим далее, что, как «особенное покровительство» русских посланников, так и «руководствование» де-Саси были очень полезны Затеplinскому.

По получении разрешения министра попечитель распорядился о снабжении Затеplinского соответствующей инструкцией от университета. Отъезд Затеplinского, частью вследствие различных канцелярских проволочек, между прочим, по выдаче паспорта, частью, может быть, вследствие необходимости закончить преподавание в гимназии, состоялся лишь после 11 июня 1821 г. (а не 9 июня, как означено в формулярном списке Затеplinского). Кассир университета, Войтенков, получил предписание выдать Затеplinскому из хозяйственной суммы университета 500 рублей серебром за первое полугодие командировки. Такой суммы в серебряных рублях в кассе университета не оказалось, поэтому Войтенковым «обще с ним Затеplinским выменено в базарном месте на

столице у столешника Семена Чикина на государственные ассигнации с заплатою лажу [превышение платежа над рыночным номиналом – ред.] на каждый целковый рубль по 2 рубля 77 коп.» пятьсот рублей серебром, что составило 1885 руб. ассигнациями. Дальнейшее получение денег Затеplinским происходило, по большей части, несвоевременно. В следующем же полугодии это случилось, если верить объяснению совета университета, по вине самого Затеplinского, который не уведомил о том, что нуждается в деньгах. Конечно, странным кажется, в особенности, при медленности тогдашних сообщений, ожидать от командированного за границу просьбы о присылке денег, вместо того, чтобы их прямо высылать в определенные сроки. Притом же, постановление совета о высылке Затеplinскому денег лишь по получении от него соответствующего заявления состоялось в сентябре 1821 г., когда Затеplinский был уже за границей.

Оставаясь в Париже без денег, Затеplinский вынужден был обратиться за помощью к Поцца ди Борго, который, на основании, конечно, вышеупомянутого письма Голицына, выдал нашему кандидату 500 франков, уведомив об этом Голицына. Запрос последнего попечителю Харьковскому учебного округа побудил правление университета высылать более или менее аккуратно Затеplinскому жалованье, по полугодию вперед. Но непосредственная посылка серебра из Харькова за границу была, вероятно, найдена, неудобной, а, кроме того, разменный курс на серебро стоял, конечно, в Петербурге выше, чем в Харькове, почему деньги были посылаемы Затеplinскому через департамент народного просвещения. Конечно, такой способ посылки денег вызвал, прежде всего, обширную канцелярскую переписку (больше 100 листов в делах одного только правления университета) и разные задержки, следствием которых для Затеplinского была новая необходимость прибегать к займам у послов, как в Париже, так затем и в Лондоне. В Париже, как увидим, Затеplinский пробыл дольше, чем предполагал и просил продления командировки еще на один год. Просьба эта была уважена, равно как и другая, именно – просьба об увеличении жалованья за время пребывания в Англии. На основании хорошего отзыва о Затеplinском от нашего посла в Париже и подтверждения со стороны посла в Лондоне, графа Ливена, справедливости заявления Затеplinского о дороговизне жизни в Англии, жалованье Затеplinского за последний год было увеличено на 500 руб. серебром. Однако ни этих денег, ни прежнего жалованья Затеplinскому получить в Англии не удалось. Прожив там семь месяцев на деньги, двукратно взятые в заем у посла и не получая, вероятно, ответа от университета на свое письмо, Затеplinский вернулся в Петербург совсем без денег, так что должен был обратиться к находившемуся тогда в столице Харьковскому попечителю с просьбой выдать ему 300 рублей ассигнациями в счет его жалованья на проезд в Харьков. Деньги попечитель выдал, и Затеplinский вернулся в Харьков, где ему, конечно, никакого жалованья выдавать не могли, так как оно давно было отослано за границу. Поэтому и на родине Затеplinскому пришлось страдать снова от безденежья, преследовавшего его за границей. В августе 1824 года Затеplinский умоляет правление разыскать его жалованье за прошлый год и выдать ему то, что останется за вычетом долгов послам в Париже и Лондоне и 300 рублей, взятых на проезд от Петербурга, так как он крайне нуждается даже «в необходимом на содержание». Вследствие этого рапорта началась длинная переписка с Петербургом, а оттуда с Парижем и Лондоном и обратная пересылка на счет Затеplinского не вовремя отправленных ему за границу денег. Наконец, почти через год, деньги были получены, итоги подведены, излишне выданное за 5 месяцев жалованье вычтено и, в результате 26 августа 1825 года взыскано с Затеplinского 1 руб. 93 ³/₄ коп., им, как оказалось, передержанных.

Итак, несмотря на благоразумную заботливость Голицына, заграничная командировка Затеplinского, с внешней стороны, сложилась не совсем благоприятно, что привело к весьма нежелательному сокращению, почти на половину, предполагаемого времени пребывания в Англии. Посмотрим теперь, насколько достигнута была Затеplinским цель его поездки.

К сожалению, в делах университетского архива нам не удалось найти инструкции, выданной Затеplinскому от университета. Лишь из бумаги министра А. Голицына к попечителю Харьковскому университета от 21 ноября 1823 г., узнаем мы, что в этой инструкции Затеplinскому предписано было «посещение курсов астрономии в Лондоне, также Оксфордского и Кембриджского университетов и других астрономических заведений, каковы господина Гершеля и прочих, находящихся вне Лондона». Ту же часть инструкции, которая относилась к пребыванию Затеplinского в Париже, мы можем лишь до некоторой степени восстановить из того, что было выполнено там Затеplinским на самом деле.

Из дел попечительской канцелярии видно, что Затеplinский слушал и окончил слушание курсов (вероятно) в Королевском университете в Париже, куда поступил, надо полагать, благодаря содействию Сильвестра де-Сасси, к которому у него было письмо от Голицына. По окончании курсов Затеplinский был рекомендован совету этого университета знаменитым Био, рекомендация которого, судя по некоторым чертам характера Био (в биографиях Араго), не могла быть, ни пристрастной, ни лицеприятной. Конечно, вследствие этой рекомендации, Затеplinский был допущен к экзаменам «перед факультетом одного университета», а вслед затем и к защите своих диссертаций. На основании всех этих испытаний, совет парижского университета удостоил Затеplinского званиями: «Башелье, Лисансие и доктора Философии». Из примечания, сделанного редактором Украинского журнала к напечатанной в этом журнале первой лекции Затеplinского, мы узнаем сверх того, что в бытность свою в Париже Затеplinский своим «отличным прилежанием и успехами приобрел расположение не только Био, но и Лапласа, Пуассона, Гумбольдта и др. Сведения об этих успехах Затеplinского были получены в Харькове до окончания 1823 года.

Таким образом, Затеplinский был одним из первых, если не первым из наших соотечественников, по заслугам удостоенных степени доктора философии в Париже. Успехи Затеplinского не остались неизвестными послу нашему в Париже, который нашел нужным уведомить о них министра народного просвещения особым отношением, которое, впрочем, получено было последним (А. Шишковым) только в середине 1824 г.

Затеplinский, однако, считал свое астрономическое образование далеко еще не законченным. И этим он показал свое чрезвычайно серьезное и сознательное отношение к своему делу. Париж в то время был одной из лучших, хотя и не единственной школой для изучения теоретической астрономии и геодезии; но обсерватория там и наблюдения на ней, по сознанию самих французов, были значительно ниже английских. Поэтому посещение английских обсерваторий должно было служить необходимым дополнением к тем теоретическим познаниям, которые уже были приобретены Затеplinским в Париже. Но и помимо обсерваторий, в Англии было много ученых, учебных и технических учреждений, знакомство с которыми было весьма важно для нашего молодого астронома. С целью в полной мере воспользоваться своим пребыванием в Англии, Затеplinский еще в Париже принялся за изучение английского языка. В пользу чрезвычайно добросовестного отношения Затеplinского к своим занятиям особенно свидетельствует, далее, то обстоятельство, что он, несмотря на запрещение Голицына, снова просит разрешения отправиться в Германию «для получения наставлений у знаменитого Геттингенского астронома (Гаусса) и посещения Берлинской обсерватории». Освоиться с искусством наблюдений, даже и человеку, знакомому уже с основаниями практической астрономии, в течение оставшихся у Затеplinского до конца командировки 2 – 3 месяцев, было, конечно, невозможно. Поэтому Затеplinский, одновременно с ходатайством о разрешении посетить Германию, хлопочет также и о продлении командировки еще на один год. Совет университета, «находя причины представляемые кандидатом Затеplinским в рассуждении прибавки времени для большего усовершенствования его по астрономии, по той причине, что наука сия есть весьма важная и действительно требует немалого времени к усовершенствованию себя в оной», сделал представление попечителю о продлении Затеplinскому командировки еще на один год. Замечательно, при этом, что совет не решился поддержать просьбу Затеplinского о путешествии в Германию, которая была только упомянута в представлении совета, но в его постановление не включена. Попечитель, со своей стороны, не нашел, вероятно, нужным доводить до сведения министра о ходатайстве Затеplinского, не поддержанном советом. Поэтому, в последовавшем вскоре ответе министра говорится лишь о продлении командировки, так что надежда Затеplinского сделаться учеником Гаусса окончательно исчезла. Затеplinскому из Франции пришлось отправиться прямо в Англию. Станным при этом является то обстоятельство, что Затеplinский (как то можно предположить из одного выражения в переписке посла нашего в Париже с министром просвещения по поводу жалованья, не полученного Затеplinским) не уведомил посольство о своем отъезде в Англию. Это не помешало, впрочем, послу дать впоследствии известный уже нам благоприятный отзыв о Затеplinском.

О занятиях Затеplinского в Англии в находящихся у нас источниках нет, к сожалению, почти никаких указаний. Что именно предписывалось сделать в Англии Затеplinскому в выданной ему инструкции, мы видели выше; но кратковременность пребывания его там, конечно, не позволила выполнить предположенных занятий. Судя по письму находящегося в

Лондоне корреспондента Харьковского университета, протоиерея Якова Смирнова (об этой небезынтересной личности мы будем далее иметь случай сказать несколько слов), Затеplinский познакомился, быть может, с некоторыми мастерскими известнейших английских художников астрономических инструментов. По крайней мере, трудно предположить, чтобы отец Я. Смирнов, *motu proprio* и помимо определенно выраженного желания Затеplinского, стал бы предлагать правлению университета воспользоваться пребыванием в Лондоне «доктора Затеplinского» для того, «чтобы он заказал какие либо необходимые астрономические либо другие инструменты, кои могли бы быть сделаны под его присмотром, да в тоже время он мог бы получить надлежащее сведение и об употреблении оных». Деньги же для покупки таких инструментов, принадлежащие Харьковскому университету и о которых последний не вспоминал целых 6 лет, находились у лондонских банкиров Гарман и Компания, куда они своевременно были помещены практическим, и заботящимся о нуждах университета отцом Яковом, так как банкиры эти, «вместо 3,5 росту, платят по 4 процента». Из этого письма Смирнова возникло, как увидим далее, длинное, тянувшееся более 8 лет, «дело о покупке инструментов астрономических» для Харьковского университета. Итак, о результатах пребывания Затеplinского в Англии приходится ограничиться лишь одними гаданиями. К сожалению, к этим гаданиям, на основании несколько странного отъезда его из Парижа и не вполне оправдываемого обстоятельствами ускоренного возвращения из Англии в Россию, приходится прибавить предположение о том, что первые проявления тяжелого душевного недуга, сделавшего совершенно безрезультатными так успешно начатые научные занятия Затеplinского, относятся, быть может, еще к концу его пребывания во Франции.

Вскоре по возвращении в Россию, 15 сентября 1824 г., Затеplinский начал преподавать астрономию, сперва просто в звании кандидата, а с февраля 1826 – в должности адъюнкта.

В Харькове молодой ученый, слухи о блестящих успехах которого за границей распространились уже, конечно, в университетских кружках, был встречен товарищами весьма сочувственно. На первой лекции Затеplinского присутствовали профессора и преподаватели не только физико-математического, но и других факультетов и один из них, адъюнкт русского языка и словесности А. В. Склабовский, помещая текст этой лекции на страницах редактируемого им Украинского журнала, в примечаниях к ней дает весьма важные для биографии Затеplinского сведения. Так, он сообщает, между прочим, что Затеplinский «при отличных способностях, занимается... с горячим усердием и неусыпностью своим предметом». Далее Склабовский говорит: «Глубокие, обширные сведения в какой-либо науке предполагают и глубокие постоянные занятия. Но глубокий колодезь, из которого нет свободного истоку воды – хотя бы она была самая лучшая – и откуда трудно доставать оную жаждущим, со временем засаривается и делается бесполезным... Не то же ли бывает и с людьми, всю жизнь свою посвятившими изучению какой-либо науки? Человек самый ученый, но не желающий или не умеющий передать своих познаний другим, бесполезен для общества и, так сказать, для самого себя... Помещаю здесь мысли сии для того особенно, что сам почтенный П. А. Затеplinский, быв некогда со мною у общего друга нашего М. А. Б. (очевидно: Матвея Андреевича Байкова, адъюнкта математики в Харьковском университете), изъяснялся подобным образом относительно назначения человека в гражданской его жизни. *Будь деятельным, будь полезным для других, если хочешь жить в мире с самим собою, исполнить свое назначение и оставить потомству следы своего существования: вот девиз человека-гражданина!*».

Мы знаем уже, что у Затеplinского были все данные, чтобы наилучшим образом выполнить свои прекрасные намерения. Но ужасная болезнь, начавшая, по-видимому, быстро развиваться у Затеplinского вскоре по приезде его в Харьков, все погубила и сделала продолжавшуюся еще несколько лет преподавательскую деятельность Затеplinского бесплоднее деятельности самого заурядного профессора.

Между тем, Затеplinскому предстояло сызнова организовать преподавание астрономии в Харьковском университете. Условия же для преподавания этой науки были в то время мало благоприятны. Обсерватории не существовало, так как временной Гутовской ротонде давно уже, вероятно, дано было другое назначение. Даже в пользовании приборами астрономического кабинета для лекций встречались, может быть, Затеplinскому вначале некоторые затруднения. Кабинет этот не мог еще тогда находиться в его заведовании, так как он не был штатным преподавателем. В записке Федоренко говорится, что с 1825 года астрономический кабинет находился в заведовании Затеplinского. Вероятнее, что

последнему поручено было это заведование лишь с февраля 1826 г. В той же записке, по поводу приобретения (Затеplinским) больших постоянных инструментов: полуденной трубы и стенного круга (о чем будет сказано ниже), говорится: «Одновременно с этими начинаниями, устроена была скромная обсерватория над входом в университетскую церковь; но ни один из больших инструментов не мог быть в ней установлен и самая обсерватория уничтожена в 1833 г.». К сожалению, мне не удалось найти в архиве дел ни об устройстве, ни об уничтожении этой обсерватории, имевшими место во время профессорства Затеplinского. Лишь на основании выписки из журнала правления от 13 сентября 1826 г., помещенной в выданной Затеplinскому книжке для записывания расходов по авансовой ассигновке, можно предполагать, что эта вторая временная обсерватория была устроена не позже 1826 года. В выписке этой говорится, именно, что адъютант Затеplinский просил «выдать ему из положенных для *обсерватории* пятьдесят рублей для поправки инструментов и установления оных в известном положении». Эта же книжка служит, между прочим, некоторым подтверждением грустного предположения, что в Харьков вернулся уже не тот Затеplinский, который незадолго перед тем заслужил рекомендацию Biot и получил ученые степени от парижского университета. Выданная Затеplinскому денежная сумма осталась нетронутой до самого выхода его в отставку в 1834 году. Значит, инструменты не были ни починены, ни установлены, и наблюдений ими никаких не производилось, так как при этом необходим был расход на разные приспособления для наблюдений или, по крайней мере, на осветительные материалы, не говоря уже о безусловно необходимых астрономических эфемеридах и прочих справочных книгах. Между тем, за все время своего профессорства, как видно из материальной книги астрономического кабинета, Затеplinский не выписал ни одной книги, не заказал ни одного прибора или инструмента, кроме тех двух больших, дело о выписке которых началось еще во время пребывания Затеplinского за границей. Бесплезная обсерватория над входом в университетскую церковь просуществовала, однако, около 7 лет. Чем мотивировал Затеplinский свое представление об ее уничтожении – если он делал такое представление, – или правление само распорядилось об ее уничтожении (в 1833 г., как увидим, положение Затеplinского уже считалось безнадежным), на это указаний найти не удалось.

И между тем, несчастный больной почти 10 лет читал лекции, произведен был в звание ординарного профессора (2 марта 1829 г.) и три года состоял секретарем физико-математического отделения. Как справлялся недюжинный, конечно, ум Затеplinского с постоянно одолевавшею его, но, до самого выхода в отставку, не окончательно одолевшею, ужасною болезнью при отправлении обязанностей секретаря и разных не лекторских обязанностей профессора, мы не знаем. Но относительно чтения Затеplinским лекций мы находим сведения в помещенных несколько лет тому назад в газете «Южный Край» воспоминаниях бывшего студента Н., озаглавленных: «Харьковский Университет в конце 20-х и в начале 30-х годов». Воспоминания эти, кажется, весьма верно, хотя и кратко, изображают, состояние университетского преподавания в названную эпоху. О Затеplinском находим в них следующие строки: «Профессор Затеplinский преподавал астрономию. О нем рассказывали, что в молодости, по сведениям и талантам своим, он был одним из выдающихся студентов физико-математического факультета, вследствие чего и отправлен был за границу для приготовления себя к университетской кафедре. Но Затеplinский возвратился в Харьков каким-то душевнобольным, до того страдающим меланхолией или ипохондрией, что он постоянно чуждался людей и нигде не показывался в обществе. Такой же отпечаток душевного расстройства носили на себе и лекции профессора. Нередко он забывался до того, что прекращал чтение и в продолжение долгих минут ходил молча и задумавшись по аудитории, иногда, остановясь на каком-нибудь предмете, он вдруг объявлял студентам, что читал не то и не так и что ту же самую лекцию он прочтет в другой раз».

Из сказанного понятно, что от Затеplinского нельзя было ожидать каких-либо печатных трудов. Однако в 1824 г. в Украинском журнале напечатана 1-я лекция Затеplinского, а в 1826 г., в Харьковской Университетской типографии напечатана речь его: «Об успехах ума в астрономии». К сожалению, несмотря на все поиски, найти речь Затеplinского нам не удалось. Судя, однако, по заглавию, можно предположить, что речь эта составляла или дальнейшую разработку, или продолжение его первой лекции, о которой было упомянуто выше. Что же касается до лекции, то она представляет весьма изящный очерк истории астрономии, но не дает, к сожалению, возможности судить о Затеplinском, как о самостоятельном ученом. При составлении этой лекции Затеplinский почти исключительно

руководствовался неподражаемой по мастерству изложения краткой историей астрономии Лапласа. Некоторые фразы Лапласа переведены у Затеplinского почти подстрочно. Выбор Затеplinским общепонятной темы для своей первой лекции объясняется тем составом слушателей, который при этом имелся в виду. Конечно, от молодого ученого, обратившего на себя внимание Лапласа, Вiot и Пуассона, можно было ожидать большей самостоятельности в выборе темы для лекции и в ее обработке. Но пользование для составления лекции лишь одним только сочинением Лапласа объясняется частью обаянием последнего, а, кроме того, душевные силы Затеplinского, как кажется, начали ослабевать еще до возвращения его из-за границы.

Тому же несчастному больному пришлось руководить выпиской больших астрономических инструментов для постоянной и довольно значительной по тому времени обсерватории, которой на самом деле еще не существовало и для устройства которой Затеplinский не делал, по-видимому, никаких попыток. Мы видели, что идея о приобретении этих инструментов возникла еще во время пребывания Затеplinского в Англии и исходила, быть может, не от одного Затеplinского, но отчасти и от корреспондента Харьковского университета в Лондоне отца Я. Смирнова. В рассматриваемую эпоху необходимость для университета иметь собственных корреспондентов в таких центральных пунктах для приобретения различных научных пособий, каким был в то время Лондон обуславливалась чрезвычайной дороговизной почтовой корреспонденции и медленностью сообщений. Отец Я. Смирнов, как видно из его писем в университет, был чрезвычайно полезным корреспондентом последнего, благодаря своей практичности, деловитости и хорошему знанию Лондона. Оригинальный здравый смысл, не сдавленный, как тисками, условными формами официальной переписки, проглядывает везде в обстоятельных и толковых донесениях о. Якова, представляющих приятный контраст с растянутыми и запутанными произведениями тогдашней канцелярской письменности.

Вследствие упомянутого раньше предложения отца Якова Смирнова (от ⁵/₁₇ января 1824 г.) употребить свободные университетские суммы на покупку астрономических инструментов, совет университета, *без всякого рапорта о том со стороны Затеplinского, еще не вернувшегося в Харьков*, испросил и получил разрешение министра дать этим суммам указанное Смирновым назначение. Только по получению разрешения, совет университета постановил: «отнестись к Смирнову с тем, чтобы он узнал от находящегося в Лондоне кандидата Затеplinского о необходимости астрономических инструментов для университета и купил совместно с ним или заказал сделать оные какие он, Затеplinский, признает нужными».

Отношение это было получено Смирновым уже после отъезда Затеplinского в Россию и покупка инструментов, конечно, пока не могла быть сделана. Но уже в декабре 1824 г. правлением заслушан был рапорт возвратившегося Затеplinского «О выписании из Лондона необходимо нужных астрономических инструментов»: полуденной трубы и стенового круга. Неизвестно, написан ли был этот рапорт по собственному желанию Затеplinского или по требованию Правления, связанного министерским разрешением на покупку инструментов. Кажется, с большей вероятностью можно предположить последнее. Действительно, уже в самом заказе заметна прогрессирующая неясность мыслей у Затеplinского. Стеновой круг он называет также кругом Рамсдена, – термин, которым обозначался инструмент совершенно другой конструкции, чем стеновой круг.

Написанный на основании рапорта Затеplinского заказ знаменитому художнику Траутону отправлен был отцу Якову Смирнову в Лондон для передачи по назначению и привел, конечно, Траутона в недоумение. В пространном ответе (копия которого, вместе с переводом, сделанным Смирновым настолько хорошо, насколько можно было ожидать от не специалиста-астронома, приложена к делам правления) Траутон мастерски очерчивает важнейшие типы больших астрономических инструментов и советует приобрести для Харьковского университета, кроме полуденной трубы, стеновой круг, а не круг Рамсдена. Несколько строк того же ответного письма настолько иллюстрируют начало в Англии новой эпохи – эпохи пара и крупной промышленности, что я позволяю себе привести их здесь:

«It was my intention», пишет Траутон, «to have begun the Transit (passage Instrument) for Kharkow, and to have finished it, by the time that the last ship of this season sail for Russia: but, soon after you made the application, a series of circumstances took place, which I did not then foresee. Instrument makers had, in their larger works, been used to receive the assistance of the civil engineers; but now, when there are so many schemes afloat, of steam-vessels, rail-ways etc.,

they have more than enough to do; and instead of helping us, get our workman away in large numbers» [«Моим намерением был перевоз и установка пассажного инструмента в Харькове ко времени окончания морского сезона России, но вскоре после вашего обращения случились непредвиденные обстоятельства. Изготовители инструмента раньше получали помощь от штатских инженеров, но теперь, когда у этих инженеров появилось много работы, постройка судов, железных дорог и т.д., вместо помощи, они отвлекают наших работников в большом числе». – *пер. ред.*]. Какая резкая разница с тогдашним глубоким сном промышленности у нас в России!

Посылая правлению университета ответ Траутона, Смирнов просит «на оный разрешения без дальнего отлагательства по причине, что господин Траутон будучи за 70 лет и крайне глух, при всем своем усердии и, конечно, против воли, весьма медлителен в своих движениях». Но почтенный протоиерей, живя долго в Англии, позабыл, что русские канцелярии 20-х годов были «медлительнее в своих движениях», чем самый старый английский деловой человек. Правлению университета потребовалось не менее 21 дня для того, чтобы получить короткое, из 6-ти строк, согласие Затеplinского (присланное, впрочем, немедленно) на приобретение стенного круга и написать об этом Смирнову. Однако и теперь заказ не мог быть сделан окончательно, так как стоимость 8-ми футового транзита и 6-ти футового стенного круга превзошла ту сумму, которую разрешено было употребить на покупку астрономических инструментов. Рапорт Затеplinского по поводу соответствующего письма Траутона (присланного опять Смирновым в копии и переводе), более длинный, чем обыкновенно, был написан, очевидно, в одну из светлых минут. Соглашаясь с мнением Траутона относительно уменьшения размеров инструментов для уменьшения их цены, Затеplinский прибавляет: «впрочем, в славнейших обсерваториях находятся выше означенные (т.е. больших размеров) инструменты». Поэтому правление решило заказать пока лишь «8 футовый транзитный телескоп», а тем временем обратилось к начальству за разрешением добавить к прежней сумме, сколько понадобится, для приобретения 6-ти футового стенного круга. Разрешение это было дано и стенной круг желаемых Затеplinским размеров заказан. Полуденная труба была доставлена в Харьков и принята Затеplinским в январе 1829 г. Что касается до стенного круга, то он был изготовлен лишь в середине 1832 года. С отправкой этого инструмента в Харьков отцу Я. Смирнову было немало хлопот. Между прочим, Траутон послал, вместе со стенным кругом, сочинение Pearson'a, *An introduction to practical astronomy*, в котором заключалось «новое описание разных наилучших астрономических инструментов, которое Г. Траутон почитая весьма полезным и почти необходимым для императорского университета, столь оное рекомендовал, что я (отец Я. Смирнов) наконец согласился, и позволил ему отправить оное вместе с кругом в надежде, что решение мое принято будет благосклонно». В Харькове инструмент был получен лишь в марте 1833 года. Но душевное состояние Затеplinского в то время находилось уже в фазе полной подавленности. На сделанное вскоре правлением Затеplinскому поручение описать стенной круг с принадлежностями, несчастный больной отвечал, что он поручения этого исполнить не может, «*потому что сей инструмент астрономический мне совершенно не известен*». Не мог, конечно, астроном не знать им же самим заказанного инструмента! В виду отказа Затеplinского, правление предписало сделать описание стенного круга профессору прикладной математики Архангельскому. (О нем см. в цитированных выше воспоминаниях господина Н.).

Таким образом, окончилась печальная эпопея приобретения Харьковским университетом больших и дорогих инструментов для обсерватории, которая не существовала и которую не предполагали тогда устраивать. Конечно, в этом менее всего можно винить начальство университета. Правление университета поспешило употребить свободные денежные суммы на обеспечение как преподавания, так и ученых работ по астрономии, рассчитывая для занятия кафедры по этой специальности на кандидата, рекомендованного выдающимися иностранными учеными. Но роковая стройность сделала бесплодными благие и имевшие, казалось, все виды на успех, начинания Харьковского университета. Прекрасные для своего времени инструменты перележали свой век в ящиках и постепенно пришли в негодность, доставив неосуществившейся тогда Харьковской университетской обсерватории печальную известность между русскими астрономами.

Каким образом мог несомненно душевнобольной человек оставаться профессором университета в течение целых десяти лет? Ответ на этот вопрос дается характером болезни Затеplinского. Он не был помешанным в собственном смысле этого слова, тем

менее помешанным беспокойным или буйным. Затеплинский страдал глубокой и при том постоянно, хотя и медленно, усиливающейся меланхолией, сопровождавшейся, по видимому, по временам, полной потерей памяти или, может быть, непреодолимым страхом к какому бы то ни было деянию или даже слову, могущему подвергнуться обсуждению других. При таких условиях, странности Затеплинского, уединявшегося, притом, от людей, могли первое время остаться вовсе незамеченными. Но, конечно, через несколько лет они сделались всем известными. Однако до 1832 г. мы не встречаем попыток со стороны университета заменить Затеплинского другим преподавателем. Мы думаем, что эта видимая небрежность со стороны членов факультета и совета имела основанием своим благородную заботливость о своем, некогда выдававшемся по дарованиям, товарище, сделавшемся жертвою ужасной болезни. К 1832 году истекло 15 лет со времени вступления Затеплинского в службу и, следовательно, приобреталось им право на пенсию. С этого же года университет начинает хлопотать о новом преподавателе астрономии. Но в 1832 году кафедру астрономии заместить не удалось, вследствие отказа имевшегося в виду кандидата, и Затеплинский остается профессором до 1834 года, когда тот же кандидат, по изменившимся обстоятельствам сам уже предложил свои услуги Харьковскому университету. Как только новый профессор (Шагин) приехал в Харьков, Затеплинский рапортом доносит правлению, что он, Затеплинский, по болезни «не может заниматься преподаванием лекций» и сдает астрономический кабинет и ключи от минц-кабинета, странным образом, находившегося в его заведовании. Дела о выходе Затеплинского в отставку нам найти не удалось, но в последнем имеющемся у нас его рапорте, от 26-го октября 1834 года, Затеплинский себя профессором не называет, а в бумагах правления, по поводу этого рапорта, Затеплинский обозначен уже бывшим профессором. Что случилось затем с Затеплинским, получил ли он пенсию и были ли у него близкие люди, которые могли взять на себя заботу о несчастном страдальце, когда и где он скончался, – нам неизвестно.

История наук вообще и история астрономии в частности указывают несколько случаев, когда талантливые ученые более или менее продолжительное время страдали душевным расстройством. Иногда счастливая случайность, а в новейшее время и искусство врачей, снова, хотя на время, возвращали некоторых из таких больных к жизни и ученой деятельности. Но на долю Затеплинского не выпала такая случайность, врачебная же помощь в Харькове в 20-х годах была в подобных болезнях еще бессильной.

Трагическая судьба Затеплинского невольно привлекает внимание к его грустному туманному образу, слабо очерченному в официальных документах университета. Воображение пытается воссоздать картину тех условий, которые затмили у Затеплинского ум, быть может, недюжинного ученого. И представляется нам этот даровитый ученик Осиповского, – того самого Осиповского, который требовал от юношей, чтобы самую увлекательную философскую теорию они испытывали, прежде всего, «на оселке строгости математической», – попавшим прямо с университетской скамьи на тяжелую, часто не благодарную, должность учителя и притом не в Харькове, а в захолустном Новгород-северске. Встретить там какую-либо поддержку отвлеченно научным стремлениям, даже найти какую-нибудь научную книгу, кроме элементарных учебников, было бы, конечно, почти чудом. Но Затеплинский не заглох там, а постепенно укреплял и расширял приобретенные им в университете познания. Иначе не мог бы он, происходивший из обер-офицерских детей, и, следовательно, едва ли знакомый достаточно с иностранными языками, меньше чем в два года достигнуть степени доктора иностранного университета. Без сомнения, в Париже Затеплинский работал неутомимо, работал больше, чем возможно, было для организма, в котором таился злой, наследственный, конечно, недуг. Первые слабые проявления этого недуга начались еще в Париже. Не могло не способствовать этому также бесконечное разнообразие и яркость впечатлений иностранной и, в особенности, парижской жизни непосредственно вслед за монотонными, но нередко глубоко печальными впечатлениями в русской провинциальной глуши. В Россию Затеплинский вернулся накануне роковых событий, следствием которых было глубокое потрясение русского общества. Из воспоминаний И. А. Гончарова (На родине, Пол. соб. соч., т. IX) и многих других мы знаем, как резко отразилось это потрясение даже на крепких, здоровых натурах. Отразилось оно, конечно, на Затеплинском и довело, может быть, до крайности без того уже угнетенное состояние его духа. Условий и впечатлений, которые бы помогли Затеплинскому справиться с самим собою, было, вероятно, недостаточно в окружающей его обстановке. И стали угасать душевные силы, угасать медленно, но непрерывно. Ужасным, без сомнения,

было для Затеплинского сознание этого угасания в те периоды душевного просветления, какие случались у него до самого конца его службы.

ГЛАВА II-я

А. Ф. Шагин. Пребывание в Вильно. Переход в Витебск. Витебская гимназия. Деятельность Шагина в Витебске. Ходатайство о переходе на службу в Харьковский университет. Перевозка геодезических инструментов в Киев.

А. Ф. Шагин, судя по его формулярному списку, происходил из небогатого польского дворянского рода. Около 14-ти-летнего возраста Шагин, по окончании учения в Виленской гимназии в 1814 г., поступил в учительскую семинарию при Виленском университете, где «в течение трех лет посвящал себя усовершенствованию в математических и физических науках». Эта учительская семинария или педагогический институт, как она названа Шагиным в другом месте, была, очевидно, одним из университетских учебно-вспомогательных учреждений, так как в одном прошении 1834 года Шагин, не упоминая о семинарии, прямо говорит, что с 1-го сентября 1814 по 30 июня 1818 г. он «слушал курс наук, преподаваемых в бывшем Виленском университете, в факультетах физико-математическом и словесном». Занятия Шагина были очень успешны. Уже в 1815 году получил он «степень кандидата философии, в 1816 награждение 100 рублей серебром, назначенное ученику, отличающемуся прилежанием в науках и поведением, в 1817 в декабре месяце степень магистра философии». В том же 1817 г. Шагин определен «в помощники при Виленской астрономической обсерватории, с жалованьем по 400 рублей серебром в год». В чем заключались прямые обязанности Шагина как помощника из его бумаг не видно. Не видно также, производил ли он в Вильно какие-либо научные астрономические наблюдения, но есть основание предполагать, что производство таких наблюдений не входило в его обязанности. Действительно, в прошении о назначении его профессором в Харьковский университет, Шагин, подробно перечисляя свои научные заслуги, говорит только, что «семь лет службы моей при Виленской обсерватории достаточно познакомили меня с астрономическими наблюдениями». Если бы при этом Шагиным были сделаны какие-либо наблюдения, имеющие научное значение, то он, конечно, не позабыл бы упомянуть о них, так как в том же прошении перечисляет даже и ненапечатанные, а лишь написанные им сочинения по астрономии и математике и говорит, что имеет «полное собрание собственно сделанных астрономических вычислений». В чем состояли эти вычисления и какая судьба их постигла – неизвестно.

Последние два года своей службы при Виленской обсерватории Шагин преподавал в Виленском университете астрономию «вместо профессора Славинского, путешествовавшего тогда по чужим краям, за каковые труды получал добавочного жалованья по 200 рублей серебром в год». В 1824 году Шагин был отчислен от обсерватории и назначен преподавателем геодезии и топографии в Виленском университете, с прежним жалованьем (400 руб. серебром в год). По-видимому, и здесь деятельность Шагина ограничивалась, главнейшим образом, теоретическим преподаванием. О своих практических работах по геодезии он нигде не упоминает и в речи, произнесенной на акте Харьковского университета в 1837 году, говорит только, что он был «свидетелем» триангуляции Теннера.

Поэтому геодезические и топографические инструменты, принадлежавшие Виленскому университету и перевезенные впоследствии Шагиным, по поручению начальства, сперва в Витебск, а затем в Киев, предназначались, вероятно, главнейшим образом, для упражнений со студентами. Из сохранившегося у Шагина в нескольких экземплярах списка этих инструментов видно, что они сделаны были лучшими художниками того времени Лепуаром, Рейхенбахом, Эртелем и др. Тем не менее, геодезия, хотя бы и без практических ее применений, составляла, по-видимому, всегда любимый предмет занятий Шагина. Уже в 1829 году он издал «книги о Геодезии, Землемерии и Нивелляции, кои удостоился поднести Его Императорскому Величеству и в награду Всемилостивейше получил бриллиантовый перстень». В Харьковском университете, судя по числу часов преподавания, Шагин читал для того времени довольно обширный курс высшей геодезии, рекомендуя в пособие студентам, как видно из напечатанных обзрений преподавания в Харьковском университете, свое собственное, очевидно, вышеупомянутое сочинение. Кроме геодезии, во время службы своей в Вильно, Шагин усердно занимался также астрономией и высшей математикой. Результатом этих занятий было составление руководства по астрономии и речи о дифференциальном и интегральном исчислении. Поводом к составлению руко-

водства было, вероятно, чтение лекций по астрономии в Виленском университете за время двухлетнего пребывания за границей профессора Славинского. Своей речи о дифференциальном и интегральном исчислении Шагин приписывал большое значение, считая ее «не менее того важной», как и напечатанные его сочинения. Однако ни руководство, ни речь, по видимому, никогда отпечатаны не были. В письме своем к В. Струве от 28 октября 1839 года, Шагин пишет, что он оканчивает обработку читаемого им в Харьковском университете курса астрономии и в следующем году предполагает отправиться в Петербург с целью найти средства для напечатания этого сочинения. Но и этому намерению не суждено было осуществиться, по крайней мере, в наиболее полном списке изданных в России сочинений по астрономии – каталоге Пулковской обсерватории – никаких курсов Шагина по этому предмету мы не находим, да и в обзорениях преподавания в Харьковском университете Шагин указывает лишь на свои записки по астрономии.

В 1832 году, по закрытии Виленского университета, Шагин остался без места, получив, впрочем, разрешение искать его в других русских университетах и учебных заведениях. Поэтому Шагин обратился к тогдашнему министру народного просвещения, генералу от инфантерии Карлу Андреевичу Ливену, с просьбою: «определить меня (Шагина) буде можно в Санкт-Петербургский или Московский университет или же оставить при Виленской Обсерватории помощником, сходно моему усовершенствованию, по Астрономии, Геодезии и высшей Математике». Впрочем, намерение остаться при Виленской обсерватории Шагин почему-то вскоре изменил или вынужден был изменить, так как в беловом экземпляре своего прошения (на двухрублевой гербовой бумаге), почему-то не отправленном и снабженном затем разными добавлениями и пометками, слова об оставлении при Виленской обсерватории зачеркнуты. «Усердные труды по прежним должностям и пятнадцатилетняя беспорочная служба» позволяют Шагину ходатайствовать о вознаграждении на новой должности в размере 500 рублей серебром в год. К этому окладу Шагин был представлен бывшим попечителем Виленского учебн. окр. Новосильцевым еще в 1829 г., «но утверждение сего, по непредвиденным обстоятельствам, доселе не воспоследовало», пишет Шагин в своем прошении. Тяжело было для бывших преподавателей Виленского университета расставаться с родной, привычной обстановкой. «Удаляясь из Вильно, места моего рождения, где столько имел я личных и семейственных связей, нелегко принять новую должность», говорит Шагин в конце своего прошения Ливену. К этому присоединялось еще плохое знание русского языка, которому приходилось спешно учиться в зрелом возрасте. Поэтому в первый год, в случае назначения своего в С.-Петербургский или Московский университеты, Шагин предполагает читать лекции на французском языке, судя по некоторым сохранившимся его письмам, ему хорошо известном. «Но в последующем году», говорит он, - «в состоянии уже буду изъясняться на российском языке».

Из бумаг Шагина не видно, какой был им получен ответ на его прошение и даже было ли оно отправлено им на самом деле. Но через пять месяцев после того, как было написано упомянутое сейчас прошение, Шагин получил, через председателя временного училищного совета в Вильно Полинского, предписание попечителя Белорусского учебного округа Карташевского, которое, как кажется, вполне соответствовало действительным, но невысказанным в прежнем прошении, желаниям Шагина. Именно ему предоставлялось продолжать службу по Харьковскому или Белорусскому учебному округу. Шагин без колебания принял последнее, т. е. службу в Белорусском округе, «с условием», - как пишет он в ответе своем Полянскому, - «предназначение мне места учителя математики в имеющем открыться Белорусском лицее, а между тем согласен я оставаться до того времени в какой-либо гимназии, с жалованьем по 400 рублей серебром в год и квартирою». Желания Шагина были удовлетворены. Он получил место учителя математики в Витебске, в месте пребывания попечителя округа, как видно, лично знавшего Шагина или почему-либо к нему особенно благоволившего. Свою благодарность Карташевскому Шагин высказывал не в официальной бумаге, а в частном письме на французском языке. «Je ne suis pas en état», говорится в этом письме, «d'exprimer ma plus vive reconnaissance pour tous les soins que Vous aviez bien voulu prendre dans mon affaire. Vous m'avez assuré une place convenable, Vous m'avez porté un secours pécuniaire, qui m'était si nécessaire pour arranger mes affaires» [Не знаю, как благодарить Вас за проявленную заботу в решении моих проблем, за содействие в трудоустройстве и денежную поддержку, которая была необходима – *пер. ред.*]. Тот же Карташевский разрешил Шагину взять с собою из Вильно геодезические инструменты бывшего университета, к состоянию которых Шагин относился с какою-то особенною,

необъяснимою одним только чиновничьим усердием, нежностью. Значительная часть письма к Карташевскому наполнена подробностями о пересмотре этих инструментов и о починке тех из них, которые были немного попорчены пользовавшимися ими инженерными и саперными офицерами при съемках на прусской границе и постройке укреплений в Вильно. Шагин не забывает даже упомянуть о том, что механик Виленской обсерватории, услугами которого он при этом пользовался, испытан известным геодезистом генералом Теннером. Само собою понятно, что Шагин сам руководит упаковкой дорогих ему приборов и только тогда «*que mes instruments seront emballés*», говорит он далее, «*je partirai pour Vitepsk, et pendant la route je surveillerai moi même le-dit transport*» [мои приборы упакованы, я уезжаю в Витебск, и во время поездки сам прослежу за их перевозкой – *пер. ред.*].

Геодезическими инструментами Шагин предполагал, очевидно, пользоваться не только при обучении гимназистов, но и при преподавании в будущем лицее (в г. Орше) и вообще относился, по-видимому, чрезвычайно серьезно к предстоящим ему занятиям. К ним думает он старательно подготовляться. В том же письме к Карташевскому он говорит, что преподавание чистой математики и геодезии требует употребления многих книг; поэтому он просит у Карташевского позволения взять с собой в Витебск из библиотеки бывшего Виленского университета математические сочинения, относящиеся к предмету его лекций, или же просит, по крайней мере, распоряжения о том, чтобы книги эти были ему высланы в Витебск в течение ближайшего года. В конце письма Шагин высказывает надежду, что Карташевский не откажет ему ни в какой существенной помощи для его лекций, «*si nécessaire aux jeunes gens qui se destinent au service militaire et à l'arrentage*» [столь необходимой молодым людям, которые посвящают себя военной службе и землемерным работам – *пер. ред.*].

И на этот раз просьба Шагина была уважена. Из библиотеки бывшего университета выбирает он лучшие тогдашние руководства по геодезии, топографии и картографии, а также несколько учебников по высшей и низшей математике и вскоре после 8 марта 1833 года отправляется вместе с инструментами и книгами в Витебск.

24 марта 1833 г. Шагин благополучно прибыл со своим багажом в Вильно. Для помощи Шагину в досмотре дорогою за перевозимыми вещами, конечно, по просьбе Шагина, председателем временного комитета Полинским нанят был особый служитель, за труды которому уплачено затем, тотчас по прибытии в Витебск, десять рублей серебром из сумм Виленской гимназии. Из тех же средств уплачено было и кучеру «Мовшею Фридлянду». Привезенные книги Шагин поспешил сдать в гимназическую библиотеку под расписку учителя Германна, что же касается инструментов, то они остались на ответственности Шагина, без соответствующего, притом, для них помещения, несмотря на то, что Шагин неоднократно ходатайствовал, как перед попечителем, так и перед директором гимназии, об устройстве особого помещения или, по крайней мере, отдельного шкафа для инструментов. Мы увидим далее, что те же инструменты через год с небольшим Шагину пришлось везти в Киев. Уплата служителю и кучеру за перевозку произведена была, как видно, не из надлежащего источника. Незадолго до окончательного отъезда из Витебска Шагин просит директора гимназии «предложить, кому следует, возвращение 48 руб. серебром, в кассу здешней гимназии, употребленных мною на уплату извозчику Фридлянду и служителю Рогусскому, и возвратить мне расписку, выданную Вашему Высокоородию о принятии оных денег».

Попечителя Карташевского Шагин по приезде в Витебск не застал. Карташевский вернулся туда лишь к августу месяцу. Но распоряжение об отводе Шагину казенной квартиры было сделано, очевидно, заранее. Квартира оказалась, однако, очень плохой. Уже в июле месяце Шагин просит директора гимназии о ремонте своей квартиры «по причине существующей в ней чрезвычайной влажности, и худо устроенной печи, которая необходимо требует переделки. Сверх того окошки и двери так ветхи, что в осеннее и зимнее время нет возможности на сей квартире житьствовать». Из бумаг Шагина не видно, произведен ли был просимый им ремонт. Правда Шагину поручали впоследствии определять по плану площадь различных частей главного гимназического корпуса, для составления сметы ремонта, но это поручение дано было лишь на второй год пребывания Шагина в Витебске и неизвестно, помещалась ли в этом корпусе квартира Шагина.

Устроившись, так или иначе, на своем новом месте жительства, Шагин, по-видимому, не приступил к преподаванию теоретических предметов раньше начала следующего 1833 – 34 академического года.

По крайней мере, в рапорте своем директору гимназии от 26 сентября 1833 г., Шагин

упоминает о том, что по предписанию попечителя Карташевского «от 27 августа сего года поручено мне, дабы я преподавал курс математики в 6-м и 7-м классах здешней гимназии...». До каникул же Шагин, «по соизволению» попечителя, занимался с учениками 7-го класса «практическим землемерием», для чего понадобилось вскрыть провезенные им ящики с геодезическими инструментами. Приступая с начала академического года к преподаванию математики, Шагин, по предписанию попечителя, должен был, прежде всего, «выэкзаменовывать учеников по сему предмету, и узнать, какие они имеют сведения в сей науке». Дальнейшее преподавание математики Шагиным (в 6 и 7 классе, по 2 ур. в неделю в каждом) должно было, между прочим, иметь целью приготовление учеников к слушанию геодезии. Рьяно принявшись за дело, Шагин уже 26 сентября представил директору гимназии «именной список учеников 6-го и 7-го класса, в коем пояснено: каким порядком, где и у кого учились математике, и какие их в оной сведения». Сведения оказались необширными. По геометрии ученики 6-го класса планиметрию знали «довольно хорошо, стереометрию же некоторые вовсе не слушали, а другие имеют небольшое о ней понятие. Сей важной и необходимой отрасли математики подлежало бы их учить, ибо они должны уже были пройти оную в 5-м классе». Алгебру ученики слушали до решения уравнений 1-й степени, «а другие и далее», но знали из прослушанного так мало, «что самой легчайшей задачи не в состоянии разрешить, а некоторые даже и четырех первых действий не знали». Придавая основательному знанию алгебры весьма важное значение при изучении как арифметики, геометрии и тригонометрии, так «и прочих математических наук, которые ученики могут далее проходить», Шагин решил начать курс алгебры в 6-м классе с самого начала, объясняя всякий случай примерами во время уроков и задавая ученикам задачи «для домашних упражнений». «По окончании алгебры», говорит он далее, «можно проходить тригонометрию прямолинейную и стереометрию в 6-м классе, но геодезии в течение сего года пройти невозможно».

В 7-м классе дела обстояли несколько лучше. Ученики были довольно хорошо знакомы с планиметрией, стереометрией и прямол. тригонометрией и точно также знали алгебру до решения уравнений второй степени включительно. Но и здесь у учеников не было «опытности в решении частных вопросов, что необходимо нужно в практике». Поэтому и здесь Шагин, прежде всего, занялся «усовершенствованием учеников в алгебре и продолжением оной; обращая главнейшее внимание на то, дабы ученики ничего не делали механически, но чтобы всякого рода действия знали и излагали причины и непрерывно разрешали на уроке и в домашних упражнениях данные им соответственные вопросы». Под приведенными сейчас словами Шагина без сомнения, подписался бы каждый из современных преподавателей математики. Повторив с учениками 7-го класса алгебру, Шагин считает возможным пройти с ними затем «геометрию аналитическую и первую часть геодезии или землемерие». Успешному преподаванию математики «весьма препятствует», по словам Шагина «совершенный недостаток» учебников. Ученики делали заметки на уроках и «переписывали важнейшие места из Беллавена», но это, как справедливо замечает Шагин, «не может быть достаточным, почему просит директора гимназии распорядиться выпиской рекомендованного комитетом устройства училищ курса математики Беллавена». В наше время, когда книжный рынок так бойко торгует учебниками петербургского и особенно московского фабричного производства, трудно себе даже и представить такое полное отсутствие учебников, какое нашел Шагин в Витебске.

О недостатке учебников был, вероятно, у Шагина разговор и с попечителем, о чем можно предполагать по черновому экземпляру «замечания» о пригодности «Ручной математической энциклопедии Перевозчикова» (профессора астрономии, впоследствии академика) как пособия для преподавания в гимназиях. Возможно также, что сочинение это было прислано в округ и попечитель поручил Шагину дать о нем отзыв. Отзыв этот написан с большим тактом. Признавая важность книги Перевозчикова, Шагин говорит: «сие сочинение может быть полезным для тех, которые суть сведущи уже в математике; оно может им указать, в случае надобности, различные отрасли математической науки чистой и прикладной. Таковая есть цель общая всех энциклопедий». Но иначе дело стоит по отношению к гимназистам. «Они начинают только знакомиться с первоначальными частями математики. Им надлежит дать за путеводителя такое сочинение, в котором бы изложена, была сия наука систематически (как, например, арифметика Г. Буассие и сочинение Беллавена), где с известных аксиоматов изъясняется целая ветвь науки легким и вразумительным способом, в простых изложениях, постепенно достигающих цели, и искусно

оние способы объясняющих примерами».

Что попечитель советовался с Шагиным как с наиболее сведущим в вопросах, касающихся преподавания в гимназии, видно, между прочим, из сделанной Шагиным по поручению попечителя сметы издержек на перевозку в Витебск моделей машин механического кабинета бывшего Виленского университета. Весьма вероятно, по всему характеру отношений Шагина с Карташевским, что самая мысль об утилизации этих моделей для целей гимназического преподавания была подана Шагиным, желавшим сделать полезное употребление из наследства дорогой ему, без сомнения, его *almae matris*. В бумагах Шагина нет указаний на то, преподавалась ли в его время в Витебской гимназии практическая механика. Возможно, однако, что имелось, по крайней мере, в виду ввести преподавание этого предмета, если бы нашелся соответствующий преподаватель (в данном случае, вероятно, Шагин) и необходимые пособия. Из приведенного выше рапорта Шагина о результатах его ознакомления с познаниями учеников Витебской гимназии можно предположить, что преподавателям в ней предоставлена была довольно значительная доля свободы в распределении и даже, может быть, в выборе предметов преподавания. Кроме того, между бумагами Шагина, по какой-то не совсем ясной причине, находится копия аттестата, выданного из Витебской гимназии некоему Николаю Сцибло. Аттестат этот относится, правда, к 1824 году; но за 8 – 9 лет едва ли состав предметов гимназического преподавания много изменился. Из этого аттестата мы узнаем, что в Витебской гимназии обучали: «Закону Божию, истории и географии всеобщей со статистикой, российской грамматике, логике, психологии, нравственной философии, риторике, поэзии, эстетике и естественно-частному праву, математике чистой и прикладной, алгебре, геометрии и механике, оптике, географии физической, естественной истории, химии, физике, технологии, латинскому языку, польской литературе, французскому и немецкому языкам». Как видим, программа не грешит неполнотой. Каковы были на самом деле познания юных энциклопедистов Витебской гимназии, по крайней мере, по математическим наукам, мы отчасти видели раньше из рапорта Шагина. Заметим, между прочим, что преподавание, вероятно, велось отчасти на польском языке, что можно предполагать по тому, что несколько учителей на аттестате Сцибло подписались по-польски. По-польски же, может быть, преподавал сперва и Шагин, который, как приведено выше, надеялся достаточно подготовиться к чтению лекций на русском языке лишь через год после своего отъезда из Вильно.

Итак, в Витебской гимназии или существовало уже, или, скорее, всего, предполагалось ввести преподавание практической механики. Но доставка моделей из Вильно оказывалась делом далеко не легким. Некоторые из этих моделей были металлические, в том числе, модель паровой машины, большинство же были деревянные. Часть этих моделей была выписана из-за границы и из Петербурга профессором Лангздорфом, часть же сделана в Вильно, под руководством адъюнкта Горского (преподававшего практическую механику), специальными рабочими, состоявшими «на иждивении университета». Чертежи машин делал помощник Горского – Флике, «упражнявшийся единственно усовершенствованием в практическом черчении машин». Преподавание практической механики в Виленском университете, как видим, было обставлено весьма роскошно. Все, или, может быть, часть только моделей этого кабинета, по исчислению Шагина, должны были составить 30 тюков (ящиков) для перевозки которых нужно «не менее 10-ти маркитантских повозок». Затем для упаковки нужно было разобрать многие модели на части и потом снова собрать на месте в Витебске, для чего, по мнению Шагина, желательнее всего было бы воспользоваться услугами столяра Кржеминского, более 10 лет занимавшегося постройкой моделей в Виленском механическом кабинете, или, в крайнем случае, кого-либо из других, там же работавших, мастеровых. Но и помощи этих столяров, в особенности при сборке машин в Витебске, все-таки еще было бы недостаточно. Шагин находит для этого необходимым получить из механ. кабинета и библиотеки бывшего Виленского университета упомянутые выше чертежи Флике и «сочинения практической механики, издаваемые Борнтом, Дюненом, Белидором и другими, известными в сей науке авторами». Все расходы на упаковку и перевозку с платою особому служителю, который должен сопровождать транспорт, Шагин исчисляет в 1202 рублей ассигнациями.

Были ли на самом деле перевезены модели в Витебск, или же исчисленный Шагиным расход для этой цели показался начальству слишком значительным, так что перевозка не состоялась – об этом дальнейших указаний в бумагах Шагина не находим. От ноября 1833 г.,

когда была написана смета, по апрель 1834 Шагин, вероятно, был занят, главнейшим образом, лишь выполнением своих прямых обязанностей, так как за это время его официальная переписка почти прекращается. Только в феврале ходатайствует он перед временным училищным комитетом в Вильно о выдаче ему аттестата о полученных им в Виленском университете ученых степенях и денежной награде и, кроме того, с обычной своей аккуратностью во всем, напоминает директору гимназии о том, что настало время хлопотать «о вознаграждении» его, Шагина, «знаком за выслугу пятнадцатилетней моей беспорочной службы». Нескоро, однако, дождался Шагин этого знака; он был дан ему лишь в 1836 году, когда он был уже ординарным профессором Харьковского университета.

Надежда получить место преподавателя Оршанского лицея была, как мы видели выше, главнейшей причиной, заставившей Шагина отказаться от предложенной ему в 1832 году должности адъюнкта в Харьковском университете. Но в 1834 году, 28 февраля, по Высочайшему повелению, открытие лицея этого было отменено и надежда устроиться удобным образом, вблизи места своей родины для Шагина, таким образом, исчезла. Остаться учителем гимназии Шагин, не ценивший себя слишком низко, конечно, намерения не имел, да и учительская деятельность, за которую вначале он взялся с такой энергией, быть может, принесла ему не одно разочарование. Поэтому, уже 15 апреля 1834 г., обращается он к своему покровителю, Карташевскому, с просьбой представить его «кандидатом в Киевский или Харьковский университет для занятия должности соответственной моему усовершенствованию в чистой математике, астрономии и геодезии». Таким образом, Шагин считает себя достаточно подготовленным для занятия не одной только, а двух основных кафедр физико-математического факультета. Об его ученых правах на получение академических должностей, перечисленных и в рассматриваемом прошении, мы уже говорили раньше. Кроме того, как причину своей просьбы Шагин указывает то обстоятельство, что, «оканчивая 17 лет своей службы, я должен заботиться о будущем, и стараться обеспечить себя местом, соответствующим тем занятиям, которые бы мне по учебной части не составляли малейшего затруднения». С преподаванием на русском языке, за время пребывания своего в Витебске, Шагин достаточно ознакомился, занимаясь русским языком в свободное от учебных занятий время и начав преподавание на этом языке еще раньше, указанного им же самим в прежних прошении, годичного срока.

Сознавая, быть может, хотя отчасти, недостаточность своих ученых заслуг для получения профессорского места, Шагин считает нелишним указать и на те рекомендации, которые могут дать о нем разные лица. Так он говорит: «как члены Киевского университета суть, по большей части, мои товарищи, то легко могут засвидетельствовать о моих способностях господину попечителю фон-Братке. В случае нужды я надеюсь, что и его высокопревосходительство бывший попечитель Виленского университета Новосильцов, наверно более всех, с отличной стороны засвидетельствует о моих способностях и поведении». Более всего, однако, надеется Шагин на ходатайство самого Карташевского. «Но самым тщеславнейшим и драгоценнейшим для меня свидетельством будет одно слово Вашего Превосходительства. Вполне уповая в доброте сердца Вашего Превосходительства, смею надеяться, что не оставите меня без начальнического внимания и представите меня кандидатом в Киевский или Харьковский университет». Карташевский обещал, по-видимому, полное свое содействие Шагину в получении желаемого им места и, судя по результатам, обещание это не осталось пустой фразой. Уже 27 мая, по предварительному, конечно, соглашению с Карташевским, Шагин пишет помощнику попечителя Харьковского учебного округа, графу Александру Никитичу Панину, прошение, в котором подробно излагает свои желания. Составление этого прошения, от которого в значительной степени зависела вся дальнейшая судьба Шагина, доставило ему немало труда. Нужно было выставить в благоприятном свете свой отказ на сделанное ему раньше предложение занять место адъюнкта при Харьковском университете и попытаться получить на этот раз больше, чем ему тогда предлагали. Поэтому черновой экземпляр прошения к Панину оказывается испещренным таким множеством помяток и дополнений, каких мы не встречаем в других бумагах Шагина. Причиной отказа выставлена в нем «слабость здоровья, воспрепятствовавшая предпринять столь дальний путь», о которой нигде раньше не было речи и которая покажется маловероятной, если мы припомним оживленную деятельность Шагина при переезде в Вильно и в первое время по прибытии в Витебск. Поэтому, говорит далее Шагин, я принял место профессора математических наук в Оршанском лицее, до

предполагаемого открытия которого взял на себя исполнение обязанностей учителя математики в Витебской гимназии, с жалованьем по 1625 руб. сер. в год, с квартирою и дровами. Какова была эта квартира, мы уже видели; тем не менее, здоровье Шагина на ней улучшилось и он чувствует себя теперь в состоянии занять предложенное ему раньше место в Харькове, которое, как он узнал из письма проф. Крыницкого, до сих пор еще не занято. К тому же, пишет Шагин, «предположение открытия лица в г. Орше уже уничтожено, с чем вместе и назначение меня в оный состояться уже не может». Сказав то, что нам уже известно, о своих познаниях в астрономии и математике, Шагин высказывает уверенность в том, что если ему будет поручено преподавание этих наук в университете «или практическая часть сих наук», то он может «в полной мере оправдать таковое поручение». Но с другой стороны, продолжает далее Шагин, «по многочисленным трудам на службе в Белорусском учеб. округе и соответственным сведениям, перемещаясь в Харьков желал бы иметь на будущее время соразмерное обеспечение. Не зная до сих пор настоящего распоряжения касательно определения мне места в Харькове, опасаясь дабы не получил меньше настоящих моих выгод». Поэтому Шагин просит утвердить его в должности профессора и выдать ему 1000 рублей на подъем.

Ответ на это прошение был получен, по тогдашнему времени, чрезвычайно скоро и, по-видимому, удовлетворил Шагина, хотя не все его просьбы были выполнены дословно. Он был утвержден адъюнктом с 31 мая 1834 г. (вероятно, день подачи прошения). Во второй половине июня Шагин уже собирается к отъезду в Харьков. По всей вероятности, немедленное утверждение Шагина в звании ординарного профессора найдено было в управлении Харьковского учебного округа неудобным, но это утверждение обещано было Шагину в ближайшем будущем. И действительно, уже 20-го февраля следующего 1835 г. Шагин был назначен ординарным профессором «по части астрономии». Одновременно с назначением Шагина адъюнктом, дано было ему от министра народного просвещения поручение – «отправление и доставка в Киев, ко дню открытия университета Святого Владимира собрания геодезических инструментов, перевезенных из Вильно в Витебск, в том же самом числе и виде, в каком они поступили в ведение Витебской дирекции. Это новое назначение для столь дорогих Шагину инструментов, по-видимому, было для него неожиданностью и, может быть, исходило от Киевских профессоров, его товарищей, желавших, подобно ему, дать полезное применение коллекциям Виленского университета. Но против сделанного уже министром распоряжения возражать было нельзя, тем более что перевозка инструментов должна была быть произведена весьма спешно, и директор училищ Витебской губернии, И. А. Гарстовский, побуждал Шагина «ускорить сколь возможно» составление расчета издержкам по упаковке и перевозке инструментов. Конечно, Шагин не замедлил с представлением требуемого расчета, в котором, между прочим, значилось: «служителю, которого необходимо взять для надзора транспорта, особенно в ночное время, 100 руб.» и за подводы – 200 руб.

Расчет этот, вероятно, был утвержден и 25 июня. Шагин заключает с извозчиком Леоновым два контракта, один на наем экипажа для себя и другой – подвод для инструментов до Киева. При этом Леонов обязывался, между прочим, «все тюки уложить в повозках с осторожностью. На пути иметь бдительный надзор за тюками и во время ночлегов от транспортов не отступать. Кроме казенных вещей и упомянутого служителя никого более в повозки не принимать, равно и других тюков, кроме сего транспорта, не класть. Во всем на пути повиноваться господину Шагину». За доставку инструментов Леонов должен был получить 200 руб. ассигн., а за экипаж для Шагина (купеческую брыку) – 100 руб. Интересна последняя статья контрактов. В случае неисполнения какого-либо из написанных в них условий Леонов подвергал себя «потере всех экипажей и лошадей (3 повозки, 1 брыка и 5 лошадей со сбруями), паспорта, остальных денег (кроме уплаченных при заключении контрактов 100 руб.) и личной законной ответственности». Таким образом, в силу этих контрактов, Шагин был полным господином Леонова во время переезда. На контрактах этих, за неграмотностью Леонова, подписался «12 класса Николай Сцибло». Контракты были засвидетельствованы помещиком Леонова, бригадиром Петром Храповицким, который, со своей стороны, свидетельствовал, что Леонов «старательного поведения, верен и трезв и все доставит до Киева». Наконец, контракты эти были явлены в Витебском городском магистрате, записаны там в книгу и снабжены печатями.

13 июля 1834 года геодезические инструменты были благополучно доставлены Шагиным в Киев и сданы правлению университета Святого Владимира. Вероятно, вскоре

затем Шагин отправился в Харьков, так как не позже начала сентября 1834 г. он уже вступил в должность. Однако этим дело о перевозке инструментов из Витебска в Киев и о переезде в Харьков самого Шагина еще не закончилось. Почти полтора года спустя, в декабре 1835 года, правление Харьковского университета получило от департамента народного просвещения отношение, в котором предлагалось удержать из жалованья Шагина 149 руб. 6 коп. ассигнациями, выданные Шагину, как показала произведенная Витебской казенной палатой ревизия отчета Витебской гимназии за 1834 г., излишне, против положения, на перевозку инструментов и на переезд в Харьков. По положению следовало, именно, Шагину, как командированному из Витебска в Киев чиновнику, получить, по чину, прогоны всего на 3 лошади, далее же от Киева до Харькова, как чиновнику, переведенному из одного места в другое, удаленное от первого на расстояние меньше 1500 верст, Шагину никаких прогонов получать не надлежало, тогда как, в действительности, он получил прогоны на 4 лошади за все расстояние от Витебска до Харькова. Любопытно при этом, что деньги были выданы Шагину по предписанию правления Белорусского учебного округа из хозяйственных сумм Витебской гимназии и «что в возврат сих денег», как значится в отношении департамента народного просвещения, «получено Витебскою гимназиею из Харьковского университета, выданные на прогоны от Киева до Харькова, 98 руб. 96 коп. и, по предписанию господина министра, из департамента народного просвещения, причитавшиеся от Витебска до Киева, 199 руб. 92 коп.». Правление университета почему-то замедлило с постановлением по этому делу. Лишь 17 марта 1836 года правление положило: удержать «из жалованья проф. Шагина при первой выдаче оного 149 руб. 6 коп.». Вероятно, поздним рассмотрением дела о взыскании, правление желало доставить Шагину возможность внести требуемую сумму по частям.

Как мы выше видели, Шагин перевозил инструменты по поручению министра и уплатил за свой переезд от Витебска до Киева вместе с инструментами более, чем получил от казны на весь путь от Витебска до Харькова.

ГЛАВА III-я

Служба Шагина в Харьковском университете. Прием астрономического кабинета от Комлишенского. Пополнение астрономического кабинета. Наем механика. Дело об устройстве временной обсерватории. Дело об устройстве постоянной обсерватории. Служебная деятельность Шагина. Лекции. Занятия с кандидатами. Проект устройства физического кабинета и химической лаборатории. Участие в возобновлении ученого общества. Сношения с русскими обсерваториями. Деятельность Шагина, как члена совета и правления. Служебные неприятности. Распоряжение об увольнении Шагина в отставку. Смерть Шагина. Характеристика Шагина как человека и как ученого.

Утвержденный в должности адъюнкта Харьковского университета с 31 мая 1834 года, Шагин прибыл в Харьков и вступил в новую должность, вероятно, не позже начала 1834 – 35 учебного года. В первых числах сентября того же года Затеplinский, остававшийся еще, как мы знаем, короткое время профессором, сдал правлению находившиеся в его заведовании минц-кабинет и кабинет астрономический. Впрочем, сдача эта, как перед тем и самое заведование, происходила только на бумаге. От минц-кабинета Затеplinский предоставил замок и ключи; где же находились ключи от шкафов астрономического кабинета, – Затеplinский сам не знал. Наверное, они «должны быть или у господина Питры (приспешник физического кабинета) или у военно-служителя, что при физическом кабинете». Действительную сдачу астрономического кабинета Шагину правление немедленно поручило произвести проф. Комлишенскому, Затеplinского же, по-видимому, по поводу сдачи этого кабинета больше не беспокоили. Однако передать заведование минц-кабинетом другому лицу, без формальной сдачи кабинета последнему самим Затеplinским, правление не решилось. Поэтому 13 декабря 1834 года Затеplinский, находившийся тогда уже в отставке, был вызван в правление университета и приглашен сдать монеты и медали минц-кабинета проф. Мауреру. Был ли при этом найден минц-кабинет в полной сохранности, – из наших документов не видно.

Передача Шагину астрономического кабинета почему-то затянулась до декабря. С обычной своей аккуратностью Шагин представил правлению не только список принятых им вещей, но и подробное описание того состояния, в котором они находились. При этом ока-

залось, что у полуденной трубы уже утеряны некоторые части, другие же попорчены. Те же недостатки оказались и у недавно полученного стенного круга. Весьма существенная часть его, микрометрический винт, оказалась испорченной. Нужно заметить, что ящики с этим инструментом вскрыты были в правлении без Затеplinского, который отказался также составить описание этого инструмента.

Составленное при приеме кабинета его описание не было окончательным. Через несколько месяцев Шагин, ознакомившись с приборами астрономического кабинета, часть из них представил к исключению, часть отдал в починку инструментальному мастеру Левисону и часовому мастеру Виклису (оба в Харькове), а некоторые из недостающих у стенного круга принадлежностей просил правление выписать от Траутона. В то же время, Шагин хлопотал о новом помещении для астрономического кабинета, имущество которого распределено было, по-видимому, до сих пор между предметами кабинета физического. Правление назначило для этой цели «аудиторию, что напротив физического кабинета». Вообще, Шагин старался содержать астрономический кабинет в большом и показном порядке. Для этого оказалась надобность в выписке некоторых принадлежностей астрономических инструментов из-за границы. В настоящее время, когда международные деловые и денежные сношения доведены почти до крайней степени простоты, нелегко себе даже и представить те трудности и ту громадную канцелярскую переписку, которая необходима была в 30-х годах для выписки из-за границы даже какого-либо пустяка. Для примера, перечислим официальные бумаги, которые нужно было написать для того, чтобы получить от преемника Траутона, Симмса, упомянутые выше недостающие принадлежности стенного круга. Но рапорту Шагина правлению последнее поручило корреспонденту университета в Лондоне, отцу Смирнову, обратиться к Симмсу, с просьбою доставить в Харьков недостающие предметы. Об этом письме донесено было особой бумагой помощнику попечителя. Смирнов, по болезни, мог исполнить поручение университета лишь через полгода после того, как оно было сделано и доставил, без сомнения, также при особой бумаге, полученный им от Симмса «маленький ящичек в здешнюю (Лондонскую) посольскую канцелярию для доставления оного, при случае курьера, в департамент народного просвещения в С.-Петербурге, куда и писал письмо, прося доставить оный в правление Харьковского Университета». Из департамента ящик отправлен при бумаге в правление университета, которое, собрав справки о происхождении посылки (с 1826 г.) и подробно изложив их в своем журнале, отнеслось «к Харьковскому губернатору и исправляющему должность военного губернатора города Харькова, о назначении кого-либо из членов магистрата для присутствования при вскрытии полученного из Лондона ящика». По предписанию губернатора, Харьковский городской магистрат положил, для присутствия при вскрытии отправить в правление «бургомистра сего магистрата Сергея Карпова, о чем и оному правлению донести рапортом». Наконец, ящик был вскрыт и составлен соответствующий протокол. Итого, не считая ответного письма Симмса, находившегося в ящике, написано было уже не менее 14 бумаг, кроме черновых, пришитых к делу. Затем были отправлены ответные бумаги Смирнову и в департамент народного просвещения. В ящике же оказались: лупа и катушка тонкой медной проволоки, стоящая рубля 2 – 3 и за которые Симмс взять плату не пожелал.

Любопытно при этом, что Симмсу, как прежде Траутону, пришлось в своем длинном письме излагать многие детали устройства и употребления астрон. инструментов, которые Шагину были неизвестны.

Еще несколько мелких принадлежностей астрономических инструментов получены были Шагиным описанным выше образом. При этом щедрость на официальную переписку доходила до такой степени, что всякий полученный предмет, выписанный Шагиным, отправлялся ему правлением сперва для рассмотрения, с приказанием «донести об оказавшемся». Донесение сопровождалось длинной историей происхождения и осуществления заказа, историей, многократно перед тем прописанной в делах правления. Затем, месяца через два, Шагин просит распоряжения правления, что он должен делать с полученными предметами, вписать ли их в материальную книгу кабинета или передать «кому следует». И на этом рапорте дело еще, конечно, не кончалось.

Получаемые с таким трудом из-за границы предметы предназначались, главным образом, для пополнения кабинета, а не для производства наблюдений. Обсерватории в Харькове не было, и она, как увидим далее, несмотря на тянувшиеся о ней 7 лет два дела, до самой смерти Шагина не была выстроена. Притом, хотя с 1837 г., по распоряжению

министра, в Харьковском университете к званию профессора было прибавлено звание астронома-наблюдателя, – именно астрономом-наблюдателем Шагин не был. Впоследствии мы увидим подтверждение этого мнения. В течение всей своей службы в Харькове Шагин приобрел для находящегося в его заведовании кабинета один только астрономический инструмент, маленький призматический круг, сделанный механиком Неем в Казани. Несколько других инструментов выписаны были Шагиным для предполагавшейся к постройке обсерватории, но инструменты эти были получены уже после его смерти.

Но зато с особой охотой пополнял Шагин астрономический кабинет моделями, которые, с нашей, по крайней мере, точки зрения, не могли иметь ни малейшего значения как учебные пособия, а тем меньше, конечно, пригодны были они для научных работ. Таковы были, например, модели: астрономической подвижной башни Виленского университета, двухэтажного геодезического сигнала и Пулковской обсерватории. Эти довольно дорого стоившие игрушки десятки лет украшали астрономический кабинет, пока, наконец, рассыпались настолько, что их возможно было представить к исключению. Не было также приобретено Шагиным ни одной книги для астрономического кабинета, из чего, впрочем, не следует, что книги им не были приобретаемы или для фундаментальной библиотеки, или же лично для себя. Быть может, по ходатайству Шагина, через несколько месяцев после его приезда в Харьков, получен был из Вильно транспорт «с книгами и другими учебными пособиями» очевидно, принадлежавшими бывшему Виленскому университету. Шагин вместе с профессорами Павловским и Артемовским-Гулаком принимал по поручению правления этот транспорт. Далее, в сохранившемся между бумагами Шагина списке отправленных им в 1840, 1841 и 1842 годах пакетов находим несколько рапортов о выписке книг. Из того же списка видно, что Шагин нередко выдавал студентам книги по астрономии. Там же отмечено: «В правление. Рапорт. Прошу выдать мне из библиотеки: Memoires of the Royal Astr. Society of London». Если этот рапорт не есть плод особенной страсти Шагина к письмоводству, а представляет обычное в то время явление при получении книг из библиотеки, то раздача Шагиным книг студентам была действительно для последних немалым одолжением.

Для правильного и безостановочного хода ученых и учебных занятий таких учреждений, как астрономическая обсерватория или лаборатория физическая, необходим умелый механик, который не только мог бы заменять испорченные части инструментов новыми, но – и это особенно важно – устраивать новые приборы или, по крайней мере, новые части приборов по проектам ученого, которому встретилась надобность сделать то или другое усовершенствование в существующих инструментах. В Западной Европе и преимущественно в Германии, Англии и Франции, число механиков точных инструментов, легкость и быстрота сообщений так велики, что едва ли какому-либо ученому может там встретиться трудность в быстром и точном выполнении задуманного им прибора. Не то у нас в России. Даже и теперь не одному из русских астрономов и физиков приходилось узнавать из ученых журналов, что задуманное им, но не выполненное за неимением механика, усовершенствование какого-либо прибора или устройство нового осуществлено потом иностранным ученым, после русского ученого придумавшим такую же или подобную конструкцию. В тридцатых годах, когда внутренние и международные сношения для русских провинций были, как мы видели, в высокой степени затруднительны, потребность в механике для астрономической обсерватории и физического кабинета Харьковского университета была особенно велика. Поэтому естественно, что Шагин, как только устройство астрономической обсерватории в ближайшем будущем сделалось почти несомненным, поспешил приобрести для университета постоянного механика. Таким механиком избран был упомянутый выше Левисон. Шагину поручено было правлением составить инструкцию для этого, как кажется, первого механика Харьковского университета. Инструкция, утвержденная правлением, заключала в себе, между прочим, следующие пункты:

«3. Левисон преимущественно причисляется при астрономическом и физическом кабинетах для починки и содержания инструментов в надлежащем порядке.

4. Буде встретится надобность в поделке вновь каких-либо инструментов, то Левисон обязан производить оную самым лучшим образом и за самую сходную цену.

5. Обязанность Левисона будет готовить инструменты и прочие приборы, нужные для преподавания лекций физики и астрономии и находиться во время произведения наблюдений и опытов.

6. Во время постройки обсерватории, а особенно при установке астрономических

инструментов, Левисон по всякому требованию профессора астрономии должен исполнять назначенные ему обязанности».

Вслед за наймом механика устроена была для него небольшая мастерская. Левисон именовал себя оптиком и механиком и действительно брался выполнять как оптические, так и механические работы, но был ли он на самом деле опытным механиком или просто обыкновенным, хотя и довольно искусным, мастером – об этом у нас нет оснований для суждения. В астрономическом кабинете сохранились некоторые, заказанные Шагиным, модели, сделанные Левисоном. По бесполезности этих моделей для практического употребления, создаваемой, вероятно, и Левисоном, трудно по ним составить понятие об его искусстве.

Левисон был определен механиком университета в начале 1837 – 38 учебного года и должен был, согласно контракту, кроме прямых своих обязанностей, выполнять также обязанности лаборанта и приспешника физического кабинета и помогать при производстве наблюдений. Понятно, что удовлетворительной такая разносторонняя деятельность быть не могла, а, следовательно, неизбежно было возникновение жалоб заведующих физическим и астрономическим кабинетами на фактотума-механика. В июне 1839 года правление, вследствие донесения Шагина, «предписало механику Левисону, чтобы он впредь все требования как ваши (Шагина), так и г. адъюнкта Лапшина касательно поделки вновь или починки старых астрономических и физических инструментов выполнял, согласно с данною ему инструкцією, с должным усердием и без всякого отлагательства». Но предписание правления не могло прибавить Левисону лишних рук и головы, и к концу того же года Левисон был признан окончательно «неспособным» выполнять сложные обязанности университетского механика. В декабре 1839 г. совет, вследствие предписания помощника попечителя, просит Шагина приискать на открывающееся, за увольнением Левисона, место другого механика «с лучшими сведениями и более способного». Однако найти, преемника Левисону, по-видимому, не удалось, да и трудно, конечно, было рассчитывать найти тогда механика в Харькове. Поэтому Шагин предлагал совету университета ходатайствовать о командировании его в Петербург для разыскания механика; командировка эта, однако, по каким то причинам, не состоялась. Любопытно, что, будучи устранен от должности, выполнить обязанности которой добросовестно не было физической возможности, Левисон снова превратился для Шагина в искусного механика. До конца своей службы Шагин делает заказы (конечно, преимущественно, различных моделей) тому же Левисону и остается совершенно доволен его работой. Не без надежды, конечно, на помощь Левисона обещал в 1841 г. Шагин правлению отыскать способ исправить, присланный физическому кабинету Харьковского университета механиком Неем, термометр «в котором ртуть разделилась». Поэтому «Правление университета покорнейше просит Ваше Высокоблагородие (Шагина), оказать свое усердие в пользу казенного заведения, приведением упомянутого инструмента по известному Вам способу в исправность». За свой труд Шагин просил передать этот термометр астрономическому кабинету. Неизвестно, удалось ли Шагину исполнить свое обещание, так как в списке его рапортов об ответной бумаге на вышеупомянутое предложение правления, сказано только: «в правление рапорт. На счет починки термометра, выписанного из Казани от Механика Нея для физического кабинета».

Как мы знаем, Шагин нашел в Харькове новые и дорогие астрономические инструменты, но не нашел никакой обсерватории. Естественно было, поэтому, ожидать, что одной из первых забот нового профессора будет устройство обсерватории, на первое время хотя бы достаточной для производства наблюдений переносными инструментами и для практических занятий со студентами. И действительно, уже с весны 1835 г. возникает дело об устройстве при Харьковском университете временной астрономической обсерватории. Чрезвычайно странным, при этом, представляется, однако, то обстоятельство, что, судя как по бумагам университетского архива, так и по сохранившимся бумагам Шагина, инициатива этого предприятия исходила, по-видимому, не от Шагина, а непосредственно от помощника попечителя учебного округа. По крайней мере, мы не нашли нигде рапорта Шагина с просьбой об устройстве обсерватории, равно нет в имеющихся у нас бумагах никакого упоминания о подобном рапорте. Остается предположить только, что Шагин словесно изложил помощнику попечителя, графу Панину, причины, вследствие которых необходима была постройка обсерватории. Панин поручил архитектору Тону составить план и фасад «в дополнение сметы составленной на постройку временной обсерватории» (когда была составлена эта смета – неизвестно) в сопроводительной бумаге Тона правлению при этом

плане и начинается соответствующее «дело правления». В то же время, Шагин получил от графа Панина предписание избрать удобное место «для постройки временной деревянной обсерватории в Английском саду, не теряя, впрочем, из вида, чтобы самое выгоднейшее и удобнейшее место было оставлено для постоянной обсерватории». Однако дело это, видно, начато было не в добрый час. Шагин весьма быстро нашел удобное место где-то «через дорогу противу каменного дома в Английском саду». Назначены были торги «на выстройку» обсерватории, но, несмотря на то, что об этих торгах сделано было «с кем следует сношение», на торги никто не явился. После того дважды еще назначались торги и дважды «учинялся» вызов желающих торговаться через полицию, но оба раза одинаково безуспешно. Тем временем, архитектор, справившись с планом университетской земли, донес, что выбранное Шагиным для обсерватории место университету вовсе не принадлежит. Поэтому правление поручило Шагину найти новое место для обсерватории. Кроме того, ректор заявил правлению, что обыватель Половинченко, обязавшийся «на многие в университет поделки» берется построить обсерваторию, но не из дерева, которого у него теперь нет и вскоре достать невозможно, а из кирпича. Составленная архитектором новая смета показала, что каменная башня с вращающимся деревянным верхом обойдется 999 руб. 96 коп. ассигнациями, т.е. всего на 47 коп. дороже деревянной. Вышеупомянутое поручение сделано было Шагину 26 июня, 30-го же того же месяца он представил правлению весьма странный рапорт, в котором просит указать ему цель, для которой будет строиться обсерватория, т.е. предназначается ли она для определения географической широты и долготы и для определения времени и полуденной линии или же для того, чтобы «делать вполне астрономические наблюдения, так как следует на постоянных обсерваториях» и т.д. в таком роде, как будто Шагин в первый раз услышал, что в Харькове думают строить обсерваторию. Затянулась, понятно, новая переписка. К тому же Половинченко, «при всем убеждении господ членов правления» не согласился производить постройку иначе, как с уплатою ему 999 руб. ассигнациями и медною монетою пополам. Правление ввиду наступающего осеннего времени вынуждено было согласиться на эту цену.

Бесконечная канцелярская волокита, очевидно, надоела помощнику попечителя, поэтому он, 8 августа, предписал непосредственно Шагину, вместе с Тоном, немедленно заняться приготовлением материалов для постройки временной обсерватории на городской земле против дома, назначенного для типографии, за университетским садом (т.е. по-видимому, на прежде избранном Шагиным месте). Шагин, однако, сумел отделаться от исполнения распоряжения Панина, доведя о нем до сведения правления и прося у последнего «начальнического распоряжения на счет предполагаемой постройки». Дело опять благополучно затянулось, хотя Панин требовал немедленного начала постройки и даже приказал окончить ее к 28 сентября, предписав Шагину и Тону следить за постройкой. Только 17 августа Шагин, «вникнув с принадлежащим вниманием в препоручаемое мне (Шагину) занятие и желая с точностью исполнить намерения начальства», представил свой собственный, весьма плохо составленный по руководству Pearson'a, план временной обсерватории, предназначенной для помещения в ней полуденной трубы Траутона, повторительного круга и двух часов.

Конечно, нечего было и думать начать в текущем году постройку по новому плану, который предстояло еще разработать в деталях архитектору. Поэтому естественным концом бесплодной переписки о временной обсерватории было предписание попечителя «оставить дело сие без дальнейшего производства». К сожалению, Шагин показал себя в этом деле ловким канцелярским чиновником, но никак не профессором астрономии.

Если в деле об устройстве временной обсерватории можно даже до некоторой степени подозревать существование пассивного сопротивления со стороны Шагина, то несомненно, что он искренно старался довести до благополучного окончания другое, гораздо более крупное, дело – об устройстве постоянной, предназначенной для производства не только астрономических, но и метеорологических и магнитных наблюдений обсерватории Харьковского университета. И, тем не менее, обсерватория эта осуществлена не была, благоприятный момент содействия предприятию университета со стороны всех властей упущен, исключительно вследствие неумелости Шагина, вследствие того, что он, будучи, может быть, порядочным математиком и теоретиком-астрономом, не был астрономом-практиком.

Кем был возбужден вопрос об устройстве постоянной обсерватории – неизвестно, но объемистое (на 294 листах) дело правления об этом начинается с предложения попечителя от 18 февраля 1836 г. совету университета собрать заседание математического факультета,

в которое пригласить «сторонних известных чиновников по архитектурной части» для «рассуждения о построении обсерватории». Сверх того, попечитель предписывал поручить профессорам Шагину и Тону (архитектору) избрать для обсерватории наиболее удобное место, не стесняясь тем, принадлежит ли такое место университету или нет. Место было вскоре найдено и осмотрено помощником попечителя вместе с Шагиным и адъютантом Правицким. Избранное место находилось на Холодной горе по Полтавской дороге и оказалось принадлежащим Донец-Захаржевскому. К последнему правление отнеслось с просьбою уступить университету, на каких-либо условиях, место, достаточное для устройства обсерватории и не воздвигать никаких строений по меридиану обсерватории ближе двух верст от последней. В мае Шагин по поручению университета ездил к Донец-Захаржевскому, который согласился безвозмездно уступить университету землю для постройки обсерватории и обещал уведомить об этом помощника попечителя. Но только в сентябре Захаржевский сообщил университету, что обещанная им земля находится в совместном владении его, Захаржевского, с его тетками и притом заложена в харьковском приказе общественного призрения, почему уступлена быть не может. Незадолго перед тем, вероятно, вследствие слухов об отказе Захаржевского, выбрано было новое место по Сумской дороге за университетским садом, вблизи того места, где предполагалось строить временную обсерваторию. На этом месте, однако, не остановились; уже в 1837 г. избрали новое место на Холодной же горе, близ прежде выбранного места, но не в имении Донец-Захаржевского, а на казенной земле. Затем дело затянулось до 1839 г., когда университет обратился к попечителю с просьбой указать место для обсерватории. На это попечитель совершенно основательно ответил, что в этом деле профессора университета гораздо компетентнее его. Выбор, конечно, опять поручили Шагину, который за зимним временем отложил его до весны следующего года, указав, впрочем, на выбранное в последний раз место на Холодной горе. Весною 1840 г. на этом месте и остановились окончательно и, со следующего 1841 г., стали хлопотать об обмене избранного участка на соответствующий участок университетской земли. При этом Шагин настаивал на весьма желательном, правда, далеко не необходимом условии, чтобы во все стороны от центра обсерватории, в направлениях меридиана и 1-го вертикала, на расстоянии 2-х верст не возводилось бы никогда никаких строений. По справедливому замечанию губернатора, выполнение этого условия вблизи города и разных построек было бы крайне затруднительно и едва ли выполнимо. Шагин, однако, настаивал на своем и высказывал наивную уверенность, что «владельцы земель почитают себе счастьем не строить никаких зданий по направлению меридиана и 1-го вертикала; ибо везде в России и за границей владельцы делают таковые пожертвования для общей пользы наук, и это составляет для них честь». До самой смерти Шагина в 1842 г. избранное им для постройки обсерватории место университет приобрести не успел.

Подобной же бесконечной перепиской сопровождалась и выработка плана будущей обсерватории. Конечно, главная роль, при этом, естественно приходилась на долю Шагина. Но он к ней был совершенно неподготовлен. Никакой обсерватории, кроме старой и мало деятельной Виленской, он не знал и не видел, а она ему представлялась чуть не образцом астрономических обсерваторий. В противоположность тому, как поступал его современник, В. Струве, который перед началом каждого крупного астрономического предприятия, в том числе, и построек обсерваторий, прежде всего, лично ознакомливался с состоянием подобных же предприятий за границей, Шагин ограничился при составлении плана обсерватории лишь своею, крайне незначительною, практическою опытностью и незначительными же имевшимися в Харькове литературными пособиями. Кроме того, по особенной ли страсти к письмоводству, или же вследствие натянутых отношений с Тоном, Шагин упорно отказывался от совместной разработки с последним плана обсерватории, а сносился с ним письменно через правление университета. Также не иначе как письменно и притом через правление, желал Шагин получить от профессора физики сведения о том, какие метеорологические и магнитные приборы будут установлены на будущей астрономической обсерватории. Далее, и по отношению к постоянной обсерватории, уже почти через год после того, как о ней начато было дело, Шагин вдруг оказывается совершенно неосведомленным о том, для какой цели, – для научных или учебных наблюдений – строится обсерватория.

Совершенно естественным результатом подобного канцелярского образа действий Шагина было составление им несоответствующего состоянию астрономии в то время проекта обсерватории и выработка Тоном почти совсем негодного плана. Шагин потребовал тогда от Тона, конечно, через правление, переделки плана. Исправленный, согласно

указаниям Шагина, план был отправлен к Министру, который, сравнив его с планом строившейся в то время Пулковской обсерватории, нашел в нем недостатки, для исправления которых возвратил план в Харьков. Конечно, Шагин постарался взвалить ответственность за эти недостатки на архитектора.

Новый план, отправленный в Петербург, попал там в надлежащие руки, в комиссию сооружения Пулковской обсерватории, и был признан, понятно, негодным. Член комиссии В. Струве посоветовал при дальнейшей переработке плана сообразоваться с планом строящейся Казанской обсерватории, затем указано было для той-де цели принять во внимание планы обсерваторий в Мюнхене и Гельсингфорсе. Но в Харькове дело затянулось до весны 1836 года, пока приехавший из Петербурга чиновник особых поручений де-Роберти не начал энергически торопить Харьковских кунктаторов. Но с тех пор, как участие де-Роберти в составлении плана перестает быть заметным, дело идет дальше прежним черепашьям шагом и лишь в 1839 году, в бытность свою в Пулкове при официальном открытии там обсерватории, Шагин выработал, наконец, окончательный план. Сведений об этом плане в делах правления не сохранилось благодаря, по-видимому, китайскому формализму Шагина, который как смету, так и план, представил совету в запечатанном «собственной своею печатью» ящике, не для рассмотрения, а лишь для передачи попечителю. Только по некоторым фразам препроводительной бумаги Шагина можно предположить, что приблизительная стоимость постройки обсерватории не превышала 75000 руб., по исчислению архитектора округа Харьковского университета Ашиткова. В проектах Тона та же стоимость доходила до 154000 р.

Просматривая все дело о постройке постоянной обсерватории, нам ни разу не встретился случай, когда бы совет или правление университета не согласились бы с каким-нибудь предложением Шагина или не выполнили бы какой-либо просьбы его настолько немедленно, насколько допустимо понятие о немедленности в канцелярском производстве. Но, тем не менее, в письме к Струве от 28 октября 1839 года Шагин горько жалуется на индифферентизм своих товарищей. «J'ai présenté, mon plan de l'observatoire a l'Université» говорит он, «mais tout le monde d'ici est extrêmement indifferant pour la plus belle des sciences exactes» [«Я представил свой план обсерватории Университету, но все здесь чрезвычайно равнодушны к самой прекрасной из точных наук» – *пер. ред.*]. В другом письме, от 19 декабря 1839, Шагин умоляет Струве содействовать скорейшему разрешению дела о постройке обсерватории. Он пишет: Je l'honneur de supplier Votre grâce de vouloir favorablement contribuer à l'accélération de ce projet, qui se traîne déjà depuis quatre ans. [Выражаю величайшую признательность за содействие в реализации проекта, осуществление которого тянется уже четыре года. – *пер. ред.*]

К концу лета 1840 г. разрешение на постройку обсерватории было, вероятно, получено и правление предписало Шагину означить на избранной им для постройки местности направление меридиана и 1-го вертикала. И этого Шагин не мог выполнить без канцелярской проволоочки. Через правление же потребовал он, чтобы архитектор сперва точно обозначил, где именно думает он на избранном участке поместить здание. Наконец, лишь 18 сентября, линии меридиана и 1-го вертикала были благополучно проведены. Начинать постройку было, однако, невозможно, так как назначенное для нее место не принадлежало еще университету. Переписка об обмене этого места безрезультатно тянулась весь 1841 и большую часть 1842 года, пока, наконец, 11 ноября 1842 г., предложением помощника попечителя, все дело о постройке обсерватории было приостановлено «впредь до определения на место увольняемого от службы по болезни профессора Шагина другого профессора астрономии».

Так окончилось это печальное, много лет тянувшееся дело. Кроме множества исписанных бумажных листов, единственным воспоминанием о нем в Харьковском университете остались несколько астрономических инструментов, приобретенных для неосуществившейся обсерватории. Предположения о пополнении числа инструментов, имевшихся уже в Харькове, начались одновременно с делом об устройстве обсерватории. Но и здесь Шагин проявил лишь свое канцелярское усердие и отсутствие познаний в практической астрономии. Из составленного им списка инструментов, которые он находил нужным приобрести для будущей обсерватории, видно, что Шагин не пополнял своих сведений по теории и практике астрономических наблюдений с тех пор, как оставил Виленскую обсерваторию. Поэтому Шагин хотел приобретать для новой обсерватории, между прочим, угломерные инструменты того отжившего типа, недостатки которого давно

уже были указаны Боненбергером, Шумахером, Гауссом и, наконец, подробно выяснены в изданном в 1831 г. у нас в России сочинении В. Струве: «Breitengradmessung in den Ostseeprovinzen Russlands». В то же время Шагин требовал приобретения для Харьк. обсерватории рефрактора, «совершенно подобного Дерптскому», который был тогда одним из наибольших и наилучших в Европе. Понятно, что такой список, предъявленный Струве, не был одобрен последним и Шагин должен был составить новый, в котором неупотребительные инструменты были исключены и заменены современными, но большой рефрактор оставлен. На покупку этих инструментов, кроме рефрактора, открыт был кредит до 13000 руб. О покупке же рефрактора снова запросили мнение Струве. Через несколько месяцев ответ Струве был получен через министра и, как следовало ожидать, Струве находил приобретение большого рефрактора пока ненужным, так как Харьковская обсерватория имела уже два больших инструмента, имела также и приобретала вновь несколько меньших, почему одновременное пользование ими и большим рефрактором сделалось бы невозможным для ограниченного ученого персонала обсерватории. Таким образом, только к началу 1839 г. составлен был окончательно список инструментов, заказ которых было поручено сделать тому же Струве. Правда, перед тем были начаты сношения с механиками точных инструментов непосредственно из Харькова, причем, радея об интересах казны, Шагин просил ходатайства университета о том, чтобы русские посольства за границей приняли на себя труд узнать от механиков «настоящие цены» их произведений, так как в письмах своих к Шагину механики эти, вероятно, «покажут цену слишком высокую». Кажется, однако, что просимое Шагиным ходатайство университета не имело других практических последствий, кроме небольшого недоразумения между попечителем, его помощником и советом. Ходатайство это совет направил к помощнику попечителя, согласно словесному заявлению последнего. Бумага, однако, попала к попечителю, который, в отношении своем к совету от 11 апреля 1838 за № 392, требует «объяснения, на каком основании совет университета входил с подобным представлением к господину помощнику моему (помощнику попечителя) тогда как я управляю округом». Нужно заметить, что раньше университет сносился преимущественно с помощником попечителя.

Часть заказанных для Харьковского университета инструментов к концу 1841 г. была изготовлена и доставлена в Пулково. Перевозку инструментов в Харьков естественно было поручить Шагину, который сам очень желал иметь еще один случай побывать в Пулкове. Совет, вследствие рапорта Шагина, ходатайствовал о командировании его в Пулково для перевозки инструментов, но попечитель в этой командировке отказал. Инструменты были доставлены в Харьков лишь в 1843 году.

Кроме приобретения инструментов для будущей обсерватории, Шагин озабочивался также и заблаговременным составлением ее библиотеки. Из сохранившихся списков книг, какие Шагин предлагал купить, видна, с одной стороны, скромность – быть может, несознаваемая – требований Шагина, с другой – бедность отдела астрономии в тогдашней фундаментальной библиотеке университета.

Шагин хорошо понимал необходимость иметь себе помощника на будущей обсерватории. Поэтому еще в середине 1837 г. совет университета, ссылаясь на мнение Струве, ходатайствовал о назначении профессору астрономии помощника со званием и окладом адъюнкта, без включения его, однако, в число 8 адъюнктов, положенных по штату. Но попечитель не нашел возможным представить это ходатайство министру до окончания устройства обсерватории.

Итак, старания Шагина надлежащим образом обставить преподавание астрономии в Харьковском университете окончились полной неудачей. Мы видели, что главнейшим, хотя и невольным, виновником этой неудачи был сам Шагин. Посмотрим теперь, насколько то возможно по имеющимся отрывочным сведениям, какова была остальная деятельность Шагина, как профессора астрономии.

Судя по обзорениям преподавания, которые, впрочем, мы могли найти только за три академических года (от 1839 по 1843 г.), Шагин читал в Харьковском университете следующие отделы астрономии:

1) Сферическую и практическую астрономию, для студентов 3-го курса (1-е полугодие), по 3 человека в неделю. Пособия: собственные записки Шагина и сочинения Делаамбра, Био, Пирсона, Литтрова и Сантини.

2) Теорию движения небесных тел, с приложениями оной к определению элементов планет и комет, для студентов 3-го курса (2-е полугодие), по 3 человека в неделю. Пособия:

Собств. записки Шагина и сочинения Делаμβра, Гаусса, Понтекулана, Литтрова и Сантини.

3) О явлениях, от движения планет происходящих, для студентов 4-го курса (1-е полугодие), по 3 человека в неделю. Пособия: собственные записки и сочинения Делаμβра, Славинского и Литтрова.

4) Высшая геодезия, для студентов 4-го курса (2-е полугодие), по 3 человека в неделю. Пособия: собственное сочинение Шагина.

5) Объяснение употребления астрономических инструментов и приучение студентов к наблюдениям в удобное для того время, по 2 часа в неделю.

Из этого списка трудно, конечно, сделать какие-либо заключения о характере курсов, читанных Шагиным. Очевидно только, что небесная механика им не читалась вовсе. Имена авторов рекомендуемых сочинений также говорят весьма мало. Правда, странным кажется, что мы не встречаем между ними имени Петербургского астронома Шуберта, составителя прекрасного *Traité d'astronomie theorique* и Ольберса, которого *Abhandlung über die leichteste und bequemste Methode die Bahn eines Kometen zu berechnen*, до сих пор еще остается классическим. Но пропуск этих авторов мог быть или чисто случайным, или же сочинениями их Шагин пользовался при разработке собственного курса, который Шагин считал, как мы видели выше (глава II-я), достаточно разработанным и готовым к печати уже в 1839 г. Мы имеем, однако, основания полагать, что читанные Шагиным курсы не были элементарными, так как все они относятся к тем, преимущественно геометрическим, отделам астрономии, которые были уже тогда разработаны трудами Гаусса, Бесселя и др. Шагин же серьезно относился к преподаванию, по мере сил старался его обставить наилучшим образом, и имел удовольствие видеть, что труды его не были напрасны. В рапорте своему совету университета от 6 окт. 1841 г. Шагин, между прочим, говорит: «Долговременный опыт удостоверяет меня, что студенты Харьковского университета, оканчивающие курс по 2-му отделению философского факультета, делают блистательные успехи по части теоретической астрономии. В доказательство тому можно упомянуть отличных студентов: Долинского, Савина, Маджулинского, Шидловского, Дьяченко, Зибера, Королева, Мокрыцкого и особенно Анисимова, которые получили степени кандидата за отличие, золотые и серебряные медали». В цитированном уже раньше письме к Струве от 28 окт. 1839 г. Шагин пишет: «Je suis... très content, que, dans cette année, j'ai quelques étudiants, qui se distinguent par leur capacité, et auxquelles je suis en état de communiquer mes pensées sur la partie théorique et pratique d'Astronomie» [«Я очень рад, что в этом году у меня есть несколько студентов, отличающихся своими способностями; им я могу передать мои идеи насчет теоретической и практической Астрономии». – *пер. ред.*].

Но вести удовлетворительно со студентами практические занятия по астрономии Шагин не мог уже вследствие отсутствия обсерватории и недостатка некоторых приборов, приобрести которые своевременно, впрочем, от него же зависело. В только что цитированном рапорте своему совету Шагин говорит: «в текущем году пять студентов 4-го курса и шесть 3-го – оказывают особенную склонность к астрономии и весьма желают упражняться в произведении астрономических наблюдений. Но за недостатком хронометров астроном-наблюдатель совершенно не в состоянии выучить студентов производству точных астрономических наблюдений, только может им объяснить теорию и состав инструментов и делать приблизительные наблюдения». По воспоминаниям одного из бывших товарищей Шагина, сообщенных нам Я. О. Балясным, «студенты любили Шагина как хорошего профессора». Можно предположить поэтому, что отзывы Шагина об успешности своих занятий едва ли преувеличены.

Кроме преподавания студентам, Шагин занимался также и с окончившими курс. Так, еще в 1835 г., очевидно, по предварительному выраженному желанию самого Шагина, предложено ему было через ректора от помощника попечителя, «чтобы окончивший курс казеннокоштный студент Долинский находился при Вас (Шагине), дабы мог приучаться к практическому вычислению и к употреблению астрономических инструментов». Что случилось впоследствии с Долинским, нам неизвестно, но другой ученик Шагина, окончивший в 1837 г. курс, Шидловский, был преемником Шагина на кафедре астрономии в Харьковском университете.

Одной из отличительных особенностей Шагина было его, не совсем обычное в то время, знакомство, хотя, может быть, и поверхностное, с различными областями чистых и прикладных физико-математических наук. Мы видели в предыдущей главе, что практическая механика ему была не безызвестна. В составленном в феврале 1838 года мнении «касательно химической лаборатории и физического кабинета» Шагин показывает

свое основательное знакомство если не с этими науками, то, во всяком случае, с их историей и настаивает на устройстве при Харьковском университете новой химической лаборатории, достаточной для занятий профессоров химии, технологии и минералогии и на расширении физического кабинета. Можно предполагать поэтому, что Шагин как человек с разносторонними и живыми научными интересами был одним из инициаторов ходатайства об учреждении Харьковского ученого общества, дело о котором возникло в конце 1837 г. По распоряжению совета Шагин, вместе с Кронебергом, Валицким, Куницыным и Вишневым, был сперва членом, а затем, по болезни Кронеберга, президентом комитета для рассмотрения устава «Общества наук при Харьковском университете». Были ли успешны занятия комитета и не погубил ли и здесь хорошее дело формализм Шагина, – из его бумаг не видно.

Личные сношения ученых между собою составляют один из важных стимулов успешности и продуктивности их ученой деятельности. Такие сношения и посещения обсерваторий для астрономов имеют особенно большое значение. Многие практические приемы, многие усовершенствования в способах наблюдений нередко долгое время применяются на какой-либо обсерватории, не попадая ни в ученые журналы, ни в руководства. Поэтому даже такие громадные и передовые обсерватории, как Вашингтонская и как наша Пулковская, постоянно посылают своих членов в ученые поездки в другие обсерватории и ученые учреждения. Но еще необходимее подобные поездки для астрономов наших русских университетов, которые не могут иметь тех богатых библиотек под рукою, какие составляют только на больших обсерваториях. К сожалению, ученые поездки провинциальным астрономам удается делать только в редких и исключительных случаях. Шагину из Харькова пришлось сделать только две поездки: одну в Вильно в 1838 и другую в Пулково 1839 г. Первая поездка дала ему, по-видимому, только возможность пополнить список сочинений, какие он думал приобрести для Харьковской обсерватории, вторая же открыла для него целый новый мир астрономических идей и фактов и произвела на него глубокое впечатление. Поездка в Пулково состоялась вследствие сделанного академией наук всем русским астрономам приглашения присутствовать при торжестве открытия Пулковской обсерватории. Трудно себе представить более удобный случай, чем тот, который при этом представлялся Шагину для того, чтобы пополнить многие пробелы в своих познаниях и приобрести сведения, которые были для него крайне необходимы при организации новой обсерватории в Харькове, постройка которой в ближайшем будущем была тогда все-таки делом решенным. В Пулковской обсерватории в это время инструменты пока только устанавливались, притом устанавливались известнейшими специалистами. Конечно, перед торжеством открытия обсерватории, когда приехал Шагин в Петербург (11 июля 1839 г.), пулковцам было не до посторонних посетителей; но затем установка и исследование инструментов продолжались еще многие месяцы. Естественно было, поэтому, остаться Шагину в Пулкове, по крайней мере, на полгода и тогда он, будучи человеком, несомненно, небездарным, вернулся бы в Харьков действительным астрономом-наблюдателем, а не по имени только, как был он до сих пор. Случай усовершенствоваться Шагину в производстве астрономических наблюдений был замечен начальством. Попечитель Харьковского учебного округа предписанием от 8-го августа поручил Шагину заниматься астрономическими наблюдениями под руководством Струве с тем, однако, чтобы вернуться в Харьков *не позже 16 сентября!* Больно и грустно читать наивный отчет Шагина о том, как он «с точностью исполнил предписание» его сиятельства в течение немногих дней, проведенных им в Пулкове, откуда он уехал 30 августа.

Единственным результатом поездки в Пулково для самого Шагина было то, что он увидел хороших наблюдателей и хорошие инструменты и, кроме того, познакомился со Струве и многими другими астрономами. С некоторыми из них, именно со Струве, Фуссом, Симоновым и Кнорре, у него завязалась даже переписка, впрочем, не строго научного характера и, кажется, быстро прекратившаяся.

Шагин умел ценить заслуги своих современников-ученых и высказывал свое почтение к ним тем, что предлагал их, и притом успешно, в почетные члены Харьковского университета. Одним из первых им, вероятно, предложенных почетных членов был директор Виленской обсерватории Славинский. За поездкой в Пулково естественно последовало предложение в почетные члены В. Струве и Симонова в сентябре 1839 г. В начале 1840 г. предложен был, затем, в почетные члены известный талантливый русский геодезист А. Болотов.

За время своей службы в Харькове Шагин был очень деятельным членом факультета и совета. Мы уже имели случай говорить о заботах Шагина о правильной постановке

преподавания химии и физики и сродных с ними наук, а также об участии Шагина в составлении устава ученого общества. В 1837 году Шагин временно исполнял должность декана 2-го отд. философского факультета. В 1839 г. ему снова поручено исправление той же должности, в которой он был затем и утвержден, причем он «исправлял постоянно должность председателя испытательного комитета для поступающих в учителя рисования, черчения и чистописания». В должности декана Шагин оставался до 8 декабря 1841 г. Как специалисту Шагину неоднократно давались разные поручения. Так, 7-го авг. 1835 г. ему было поручено Паниным определить положение «полуденной линии, дабы адъюнкт физики Правицкий мог бы заняться наблюдением отклонения и наклона магнитных стрелок». Далее Шагин, очевидно, как геодезист, назначен был в 1838 г. депутатом со стороны университета при отмежевании университетской земли для института благородных девиц. Наконец и Шагину, как каждому, вероятно, профессору астрономии, пришлось, по поручению ректора, рассматривать «мысли» любителя астрономии «касательно системы мира». Авторам этих «мыслей» был Обоянский, уездный землемер.

Как члену совета Шагину не раз приходилось произносить речи на торжественных собраниях университета. В первый раз (в 1837 г.) Шагину пришлось читать вместо адъюнкта Протопопова, который довольно наивно отказался от возложенного на него поручения, вследствие того, «что он по новости службы своей крайне обременен занятиями по части преподавания трудного своего предмета» (философии).

Будучи, по должности декана, членом правления, Шагин многократно выполнял различные административные поручения, в роде разных освидетельствований, осмотров, приемов, ревизий и проч. Как чрезвычайно исполнительный и аккуратный чиновник он, конечно, крайне пунктуально и добросовестно относился ко всем возложенным на него поручениям и обязанностям, за что и удостоен был разных наград и «признательностей» начальства. Служебные обязанности Шагина, при его любви к канцелярскому ведению дел, требовали от него чрезвычайно обширной официальной переписки. В течение двух с половиною последних лет своей жизни Шагин, кроме корреспонденции, как декан факультета отправил не менее 170 рапортов и отношений различным учреждениям и лицам, причем переписка эта отличалась обыкновенно чрезвычайной обстоятельностью и длиной. Шагин находил, сверх того, время, кроме разносной книги, вести особый исходящий журнал, в котором излагал краткое содержание отправленных им бумаг.

Удивительным представляется поэтому, что такой образцовый чиновник, каким был всегда Шагин, умевший, как мы видели, с начала своей службы обращать на себя самое благосклонное внимание высшего начальства, в конце своей чиновничьей карьеры провинился в грубостях и неприличных поступках против начальства же и лишь из милости и во внимание «бывшего в то время расстройства здоровья его» не подвергнут «суждению по законам». Сохранившееся в архиве дело совета об этих «поступках» не дает, конечно, возможности определить причины, заставившие Шагина сразу уничтожить плоды трудов всей своей жизни, лишиться места, которым он дорожил, занятий, которые он любил и которые вскоре должны были сделаться более живыми и плодотворными, чем прежде, и, наконец, покончить жизнь самоубийством. Но те же архивные документы дают нам некоторое, хотя и весьма слабое, основание предполагать, что недоразумения у Шагина с членами правления и с ректором начались еще с 1840 г. Присутствовавшие на Пулковском торжестве русские астрономы обязались, как утверждает Шагин в своем рапорте правлению, «заниматься ученою корреспонденциею, чтобы сообщать друг другу различные открытия, которые им случится сделать или узнать из астрономических журналов». Испросив разрешения правления на то, чтобы производить подобную корреспонденцию на казенный счет, Шагин представил правлению же для отправки Симонову и Кнорре два экземпляра своей геодезии и письма к тем же ученым. Правление, рассмотрев письма, нашло, что они не заключают в себе «сообщения каких-либо открытий или наблюдений или вообще предметов, касающихся астрономии» и отказало Шагину в отправке как писем, так и посылок на казенный счет. Очевидно, письма эти были лишь препроводительными при отправляемом сочинении. Любопытно, что, через несколько лет, правление само разсылало во все ученые и учебные учреждения России, в том числе, даже в духовные академии, сочинение Шидловского.

В том же 1840 г. еще два раза были у Шагина маленькие недоразумения со своими коллегами в правлении. В сентябре и октябре месяцах, при покупках разных мелочей для астрономического кабинета (щетки, чернильницы, перья и прочее) Шагин или, вероятнее,

служитель, купавший эти предметы, заплатил за них дорожке справочных цен. Излишек был взыскан, конечно, с Шагина. Был ли здесь простой недосмотр со стороны Шагина или же особенная строгость правления в применении счетных правил, строгость, в которой раньше никогда надобности не встречалось, – решить, конечно, нельзя. Последнее предположение кажется вероятным ввиду того, что «неприличные поступки» Шагина впоследствии заключались, между прочим, в «дерзких и неприличных отзывах о ректоре Куницыне». Но, с другой стороны, незадолго до совершения «поступков», в октябре 1841, Шагин, праздновавший, как показывает выписка из метрической книги, с особой помпой рождение своего первого сына, в число восприемников последнего при крещении пригласил и ректора университета А. Куницына. Во всяком случае, в конце 1841 г. с Шагиным произошло нечто крупное, что совершенно выбило его из колеи. В декабре (5-го) 1841 г. Шагин отказывается от должности декана «по причине многочисленных занятий по предмету астрономии». Около того же времени, 8 декабря, Шагин получил предписание о том, что члену попечительного совета Ф. Л. Тюрину поручено немедленно приступить к ревизии дел совета и правление университета в присутствии двух членов университета – Шагина и синдика. При производстве этой ревизии и была «оказана» Шагиным грубость ректору и Тюрину. Чем вызвана была эта грубость, в чем она заключалась и когда именно была сделана, – об этом у нас нет никаких сведений. Дело «О поступках» было начато лишь с 14 апреля 1842 г., но весьма возможно, что «поступки» были совершены еще до 23 декабря 1841 г. Действительно, начиная с этого числа, встречается целый ряд рапортов Шагина о болезни. Первый рапорт – Тюрину, в котором Шагин уведомляет, что он, «по причине болезни, происшедшей от сильного геморoidalного удара», в заседаниях комитета, назначенного для рассмотрения дел совета и правления, участвовать не может. Тому же Тюрину 5 января отправлен снова рапорт о болезни, но уже правого глаза, а 29 января Шагин доносит помощнику попечителя, что он «по причине болезни и многих занятий в преподавании лекций» не в состоянии участвовать в ревизии дел университета. Января 16 и марта 28 Шагин уведомляет ректора и декана о том, что он по причине головной боли не может присутствовать в заседаниях совета и факультета. В том же январе (13-го) Шагин просил совет о выдаче ему (Шагину) формулярного списка, как бы в ожидании предстоящего исключения из службы. Может быть, поэтому, что оскорбления ректору и Тюрину нанесены были Шагиным еще в декабре, но начальством, ввиду прежней безупречной службы Шагина, сделаны были сперва попытки к тому, чтобы Шагин испросил прощения у обиженных им лиц и тем доставил бы им возможность не начинать «дела». Но, видно, Шагин считал себя правым, добровольное примирение не состоялось, и дело было начато предписанием помощника попечителя ректору университета, «пригласив к себе г. Шагина, предложить ему испросить прощение как у бывшего ректора университета господина Куницына, так и инспектора казенных училищ г. Тюрина». При этом ректор должен был «внушить г. Шагину, что в случае несогласия его на примирение, дело это может иметь, весьма неприятные для него следствия». Но Шагин твердо стоял на своей невинности. На сделанное, вследствие распоряжения помощника попечителя, ректором предложение Шагину, последний рапортом отвечал: «как я не обидел господ бывшего ректора и инспектора казенных училищ Тюрина, и потому я не чувствую себя обязанным в испрошении прощения». Очевидно, что случай при ревизии был или результатом какой-нибудь крупной несправедливости по отношению к Шагину, или же последний, по неизвестным нам причинам, совершенно вышел из обычной роли скромного и умеющего держать себя чиновника. После отказа испросить прощение Шагин снова наделал каких-то неприличных поступков, на этот раз, в заседаниях совета и правления. Наши источники умалчивают, в чем состояли эти проступки, но они переполнили чашу долготерпения начальства и помощник попечителя довел о них, равно, как о грубостях ректору и Тюрину, до сведения министра народного просвещения. Министр, «разделяя мнение» помощника попечителя о поступках Шагина, постановил: «сделать господину Шагину за несовместные с его званием поступки строжайший выговор, и оставить его в настоящей должности только до выслуги права на получение полной пенсии».

Срок выслуги Шагиным пенсии наступал 2-го сентября 1842 г. Служебная и ученая карьера его оказывалась, таким образом, резко и неожиданно прерванной. До начала августа Шагин как будто покорно сносит поразивший его удар; он выполняет по прежнему свои занятия по службе, читает лекции, заботится о пополнении астрономического кабинета и даже делает некоторые работы, относящиеся к устройству будущей обсерватории. Но, надломленные всеми недавними происшествиями, а может быть, и болезнью, душевные

силы Шагина не могли уже долго выдерживать жизненную борьбу. С начала августа, как доносит от 2-го сентября 1842 г. помощнику попечителя ректор, Шагин, по неизвестным причинам, «прекратил присутствие в заседаниях Совета, а с 17 августа – и чтение лекций своих и на четырехкратное письменное требование мое (ректора) об извещении и причинах этого не дал никакого отзыва». В разносной книге Шагина помечено отправление ректору трех рапортов от 11 сентября по 31 октября 1842 г., но содержание их в свой исходящий журнал Шагин уже не записал, и в бумагах архива мы из этих рапортов нашли только первый, в котором Шагин извещает, что, «по причине совершенно расстроенного здоровья», он не может присутствовать во время посещения университета Государем императором. Нечто ужасное должно было происходить в душе Шагина в это время, и 18 ноября 1842 года он покончил свою жизнь самоубийством, оставив свою жену на 9-м месяце беременности и без всяких средств к существованию. Предание, которое нам приходилось слышать от нескольких лиц, говорит, что Шагин повесился. Одно из таких преданий указывает, по слухам, причину самоубийства Шагина в расстройстве его частных дел. В настоящее время нет средств проверить эти слухи. Но и то, что изложено нами выше на основании официальных документов, само по себе уже достаточно объясняет мотивы самоубийства Шагина. Он подвергся исключению из службы, как раз накануне осуществления чрезвычайно важного для университета и дорогого для Шагина предприятия – устройства постоянной, хорошо обставленной обсерватории. В возрасте, еще далеко не преклонном, он должен был покинуть дело, которому посвятил себя с юношеского возраста и которое он несомненно любил, притом покинуть навсегда, без всякой надежды к нему возвратиться. А при таких условиях расстройство денежных дел могло разве сыграть только роль капли, переполнившей сосуд.

Официальную причину самоубийства Шагина жена его в прошении своем о выдаче ей пенсии, указывает «припадок душевной болезни». По представлении министра народного просвещения последовало Высочайшее повеление: «Случай самоубийства ординарного профессора Харьковского университета статского советника Шагина не считать препятствием к определению вдове его следующей по закону пенсии». Выдача пенсии Шагиной окончательно разрешена была в июне 1843 года.

Официальные документы, которыми мы почти исключительно пользовались при составлении жизнеописания Шагина, позволяют делать лишь самые общие заключения о характере Шагина как человека. Притом, по свойству источников такого рода, заключения эти, по необходимости, будут односторонними и чаще односторонними в худшую, чем в лучшую сторону. Слабости Шагина, в особенности, его страсть к бесполезной переписке, его доходящий до смешного формализм, гораздо чаще и ярче отражались в его рапортах, чем его серьезное, внимательное и добросовестное отношение к тем делам, значение которых он понимал вполне ясно. Что касается до частных отношений Шагина, то для суждения об них мы имеем в его бумагах только один документ, характеризующий Шагина, если не с дурной, то, все-таки, с комичной стороны. Документ этот – жалоба Шагина в полицию на живущую с ним в одном дворе купчиху Киткевич, которая, очевидно, увеселяла себя от скуки тем, что дразнила вспыльчивого и, вероятно, несколько самомнительного Шагина. Сперва она приказывала запирать ворота и калитку двора с 6 часов вечера, лишая, таким образом, Шагина всякого сообщения с внешним миром. Потом, по приказанию полицмейстера, она оставила эту, но начала делать другую «неприятность», именно, приказывать кучеру «гонять на веревке лошадей против самых ворот, вследствие чего делается ужасная грязь, так что нельзя перейти через двор». Полиция и тут вступилась за Шагина, но неукротимая Киткевич, «не обращая внимания на слова господина Частного пристава... пригласила гостей, села с ними на крыльце, и приказала кучеру опять гонять по двору лошадей, и в слух говорила: что она не обращает внимания на неприятность, какую делает для меня и на увещание господина Частного пристава». Видно, М-ме Киткевич приходилась сродни героям и героиням комедий Островского.

Но тот же Шагин, в своих письмах к Струве и в своих представлениях об избрании разных ученых в почетные члены университета выказывается человеком, способным с полным беспристрастием оценивать заслуги своих современников, даже в том случае, когда они, как перед тем Струве официально и без смягчений, указывали его (Шагина) научные промахи.

Суждение наше о Шагине, как об ученом, уже в значительной части высказано раньше. Мы видели, что Шагина никоим образом нельзя приравнять не только Струве, но и Симонову или Кнорре. Но мы видели также – и это подтверждается тем единственным из

сочинений Шагина, которое нам удалось достать, – что Шагин отличался обширной и разностороннею начитанностью. Знания его не отличались глубиной, и Шагин, собственно говоря, не был специалистом астрономом или математиком. Нам кажется, что Шагин сам вполне характеризовал себя, как ученого, в одном из раньше уже цитированных писем его к Струве. Упрашивая последнего содействовать скорейшему осуществлению постройки обсерватории, Шагин говорит «*J'espère que V. E. ne refusera pas cette grâce au véritable amateur de l'Astronomie, qui, à la fin de sa carrière littéraire, voudrait encore faire quelque chose utile pour l'instruction publique*». [Надеюсь, что Ваше превосходительство не откажет верному любителю Астрономии, который в конце своей литературной карьеры хотел еще хоть что-то сделать для общественного образования. – пер. ред.]

Однако из сказанного меньше всего следует, что Шагин стоял ниже своих товарищей-математиков в Харьковском университете. Напротив, как по числу же напечатанных ученых сочинений, так и по научным познаниям, Шагин едва ли заметно уступал кому-либо из них.